

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 26 (2021)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь

2021

*Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 06 от 10.06.2021)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, Заслуженный работник культуры Республики Крым, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Заместитель главного редактора — А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии:

*В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
Л. И. Редькина, доктор педагогических наук, профессор
О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор
О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор
А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор
Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент
Н. Л. Кабачёк, кандидат искусствоведения, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
О. Б. Элькан, доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
М. Р. Скоробогатова, доктор педагогических наук, доцент
Н. Г. Попович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент
А. В. Норманская, кандидат культурологии
С. А. Стасюк, кандидат искусствоведения, доцент*

Г. Н. Гржибовская – литературный редактор

В. И. Цирульник – консультант по английскому языку

А. Н. Жаворонков – ответственный секретарь

Учредитель: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Таврические студии № 26 / ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма». — Симферополь : ООО «Антиква», 2021. — 76 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ТУРИЗМА

УДК 130.2

В. В. Новосельская

Роль религии в формировании культурного ландшафта (на примере Крыма)

В статье рассматривается роль религии в формировании культурного ландшафта, исследуется явление религиозного ландшафта. Религиозный фактор представляется в трех измерениях: предметно-материальном, интеллектуально-эстетическом и духовном. На примере Крымского полуострова проведен анализ поликонфессиональности как особенности культурного ландшафта.

Ключевые слова: культурный ландшафт; религия; поликонфессиональность; духовное содержание культурного ландшафта; культура Крыма.

Актуальность исследования. На фоне стремительного развития современной цивилизации, вспышки технического прогресса и во многом вызванного этими процессами ментального кризиса все большего внимания требует духовная сфера. В условиях социальных трансформаций для сохранения духовных основ управление культурой должно учитывать исторически сформированные традиции и обеспечивать ее гармоничное развитие. В этой связи распространенным явлением в современном государственном управлении становится управление культурными ландшафтами, которое представляет собой «...систему мер, направленных на обеспечение сохранности качественного состояния объекта и/или целевое развитие (восстановление) его качеств» [6, с. 3].

Анализ последних исследований и публикаций

Понятие «культурного ландшафта» вошло в отечественный научный обиход

относительно недавно. Это обусловлено длительным восприятием в российской науке ландшафта исключительно в географическом контексте – в естественнонаучном дискурсе понятие ландшафта занимает центральное место и относится к фундаментальным. С точки зрения географии, ландшафт представляет собой часть земной поверхности, которая отличается относительной однородностью, ограниченностью естественными или хозяйственными границами, закономерным сочетанием составляющих его компонентов, их территориальной и функциональной взаимосвязью [7]. В культурологическом дискурсе ключевыми можно считать исследования Л. С. Берга, Ю. А. Веденина, В. Л. Каганского, О. Шлютера, К. Сойера и других мыслителей, рассматривавших проблемы соотношения природного и культурного при формировании культурного ландшафта.

Объектом данного исследования выступает культурный ландшафт; **предме-**

том – религия как фактор формирования культурного ландшафта.

Цель исследования: на примере Крыма изучить влияние религии на формирование культурного ландшафта.

Ключевые преобразования в понимании ландшафта применительно к культурологическим проблемам связаны с именами названных выше учёных: О. Шлютером, К. Сойером, Л. С. Бергом и др. В результате предложенных авторами идей сформировалось представление о ландшафте не только как о природном творении, но и как выражении всего того, что можно отнести к аксиологическим основаниям культуры. Но если О. Шлютер отмечал противопоставление природного и антропогенного в ландшафте (что в дальнейшем нашло продолжение в идее о вредоносном характере человеческого вмешательства в его развитие), то другие исследователи, наоборот, отмечали органическое единство рукотворного и природного как ключевую характеристику культурного ландшафта, подчеркивая, при этом, его неразрывную связь с природными условиями [1, с. 26-40].

Л. С. Берг одним из первых отметил органичное соединение в культурном ландшафте природно-климатической компоненты, особенностей флоры и фауны, а также населения и его уникальной культурной практики [1]. В результате, распространенным стало восприятие культурного ландшафта как части антропогенного, где «природа творящая» и «природа творимая» находятся в гармоничном сочетании [13].

Своеобразным рубежом, переломным моментом в изучении культурного ландшафта, стало введение дефиниции «культурный ландшафт» в текст официальных документов международной организации ЮНЕСКО. Так, в статье 1 Конвенции о всемирном наследии (1992 г.) указано, что культурные ландшафты представляют собой «...комбинированные произведения природы и человека» <...>, иллюстрирующие эволюцию человеческого общества и поселений с течением времени под влиянием физических ограничений и / или возможностей, предоставляемых

их естественной средой, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных сил, как внешних, так и внутренних» [15]. Таким образом, представляя собой творческое выражение консолидированных антропогенных и природных сил, культурный ландшафт отражает процесс взаимодействия природы и человека, становится способом выражения духовного отношения человека к природе [15].

На обязательное наличие в культурном ландшафте духовной составляющей обратил внимание и представитель культурной географии Ю. А. Веденин, продолживший развивать идеи ноосферной концепции культурного ландшафта. Исследователь охарактеризовал культурный ландшафт как единую локализованную территориально «совокупность технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [13, с. 45-46]. На основании предложенных Ю. А. Ведениным идей, Ю. М. Шишин формулирует понятие ноосферных уровней применительно к культурным артефактам: витальный уровень, уровень интеллектосферы и эйдетический. Каждый из этих уровней соответствует различным проявлениям тангенциальной и радиальной энергий, что наполняет культурные объекты определенным значением. Наивысший эйдетический уровень, соединяющий обе энергии, признается автором определяющим, связывается с накоплением и выражением энергии в философских и религиозных системах в трех измерениях: предметно-материальном, интеллектуально-эстетическом и духовном. Истинная сущность любого объекта, хотя и формируется на основании перечисленных уровней, все же в полной мере раскрывается именно в духовном измерении [13, с. 45-46]. Наиболее выразительно духовное измерение культурного ландшафта проявляется в религии.

Будучи системой взглядов на мир и место человека в этом мире, исходящих

из существования сверхъестественного начала, а также совокупностью соответствующих обрядово-культовых действий [14], религия способна стать прочной основой для формирования особенностей культурного ландшафта как носителя священных смыслов.

В целом, в мире только природных ландшафтов не существует – они обязательно обретают культурный смысл [8, с. 47-57]. Придание природе особых сверхъестественных свойств, ее обожествление (а, следовательно, ее «окультуривание») уходит своими корнями в мифологические верования. Уже на ранних этапах социального развития под влиянием мифологического мировоззрения выстраивались культурные отношения человека и природы, формировалось бережное, даже трепетное отношение к природе как источнику жизни, и, в то же время, к природной стихии как причине соответствующих человеческих бед. Таким образом, ландшафту придавалось сакральное, культурное значение и определялись его духовно-культурные смыслы. В то же время, культурно-природный ландшафт является неотъемлемой частью религиозных верований, поскольку оказывает влияние на генерирование образов, обретающих священное значение и находящихся отражение в соответствующей религии.

Представления об окружающем нас культурном и природном мире как носителе сакральных смыслов и в наши дни является важнейшим фактором восприятия и формирования культурно-природных ландшафтов. Кроме того, мифологические и религиозные воззрения в современном мировоззрении проявляются в мифологемах, воплощенных в современных представлениях.

Поэтому вполне справедливым будет утверждение, что в настоящее время все большее значение при формировании и восприятии культурного ландшафта отводится религии. В культурологии происходит постепенное выделение религиозного ландшафта, представляющего собой конфессиональный слой культурного ландшафта. Появление данного термина в российских исследованиях связано

с Е. М. Главацкой, которая религиозный ландшафт понимает как «...религиозную ситуацию, складывающуюся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь человека, с которыми люди пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и создания соответствующих институтов» [4, с. 79]. Невзирая на то, что понятие религиозного ландшафта в научных исследованиях до сих пор остается дискуссионным, факт влияния религии на особенности культурного ландшафта отрицать бессмысленно. Обработка земли, преобразование окружающей среды, по мнению Е. М. Главацкой, связаны не только с комфортным существованием, но и с приданием определенной территории сакрального значения.

Предложенная представителями ноосферного подхода модель ноосферы предполагает соответствующий анализ культурного ландшафта. При наделении культурного ландшафта духовным содержанием культурный объект раскрывается в трех измерениях: предметно-материальном, интеллектуально-эстетическом и духовном.

С точки зрения предметно-материального измерения религиозные артефакты представляют, прежде всего, материальную ценность, как самого объекта, так и использованных при его создании ресурсов. Восприятие культового сооружения на данном уровне происходит с позиции качества проведенных архитектурных работ, соблюдения технических норм, а также возможности использования сооружения не только в религиозных, но и в иных целях.

На интеллектуально-эстетическом уровне культовое сооружение осмысливается как объект искусства, отражающий определенный уровень развития цивилизации. Оцениваются мастерство зодчих и оригинальность подходов в выполнении работ, подвергается анализу смысл находящихся в нем реликвий. Таким образом, оценивается его эстетическое значение,

а главное – происходит осмысление его роли в удовлетворении религиозных потребностей населения, исповедующего соответствующую религию.

Значение культового сооружения на духовном уровне связано с постижением его глубокого смысла и духовного значения в обще цивилизационном масштабе. Несмотря на очевидное наслоение перечисленных уровней, определяющим является как раз последний, который наделяет культурный ландшафт «жизненностью» и социокультурной значимостью [13, с. 45].

Формирование культуры Крыма связано именно с религиозным компонентом. В свою очередь, богатая история крымского полуострова во многом стала основой широкого разнообразия культурных ландшафтов, имеющих свою религиозную специфику. На территории Крымского полуострова можно встретить все культурные ландшафты, входящие в типологию ЮНЕСКО, в которых религиозный фактор является одним из важнейших при их формировании, и присутствуют объекты, наделяемые религиозным значением. К таковым относятся: культурные ландшафты, созданные целенаправленно, культурные ландшафты, развивающиеся естественным образом, ассоциативные, а также реликтовые и само развивающиеся.

В культурных ландшафтах, основанных целенаправленно, появление религиозных объектов детерминировано религиозными потребностями населения. Так, культовыми потребностями крымского населения определяется строительство Симферопольской соборной мечети. Самая большая мечеть в Восточной Европе, строительство которой находится на завершающем этапе, способна будет вместить 2,5 тысячи мусульман. Несмотря на то, что земля для строительства мечети выделена еще в 2011 году, строительные работы начались только после вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Проблему отсутствия культового сооружения, способного удовлетворить религиозные потребности представителей мусульман Крыма (третьего

по численности народа на полуострове), констатировалось еще в начале 90-х гг. XX века. Отсутствие единого духовного центра провоцировало появление мелких культовых сооружений, контроль над деятельностью которых со стороны муфтията был практически не возможен. Это становилось причиной активизации экстремистских организаций, поскольку проповеднической деятельностью занимались лица без соответствующего образования, часто преследующие лишь политические цели. В связи с этим, строительство джума-мечети стало вполне обоснованным шагом в поддержке традиций не только крымскотатарской культуры, но и всего религиозного разнообразия полуострова, а значит гармоничного развития его духовной сферы.

При этом необходимо отметить, что создание культовых сооружений оказывает существенное влияние на культурный ландшафт, стимулирует его развитие и определяет его особенности. К примеру, при возведении культовых зданий и изготовлении культовых предметов принято использовать лучшие природные и привлекать человеческие ресурсы – места для строительства храмов, материалы для написания икон, выдающихся мастеров и т.п. [13, с. 38]. Строительство Симферопольской соборной мечети по праву считается значимым событием в жизни крымских мусульман и демонстрирует открытую поддержку их культуры со стороны государственной власти. Речь шла не просто о создании отдельного культового сооружения, а о мечети как части культурного ландшафта, об этом говорит тот факт, что в течение ее строительства происходил пересмотр изначального проекта. В него были добавлены элементы ханской архитектуры, национальный крымскотатарский орнамент, призванный сохранить крымскотатарский колорит, характерный для других объектов крымскотатарской культуры полуострова (Ханский дворец в Бахчисарае, мечеть Кебир-Джами и др.).

Ещё одна категория культурных ландшафтов, выделенная ЮНЕСКО, в формировании которых важную роль играет религиозный фактор, появляется в ответ

на потребности населения и детерминирована природной средой. Поэтому в формах культурных объектов не только отражается процесс эволюции, но и воплощается императивность, в том числе и религиозного характера. Примером такого ландшафта являются «пещерные города» и монастыри Крыма, которые могут относиться и к реликтовым, и к продолжающимся ландшафтам. По одной из версий, Свято-Успенский пещерный монастырь в г. Бахчисарае был основан балканскими монахами, вынужденными покинуть родные места в результате турецкого нашествия. По другой версии, предзнаменование возникновения монастыря стало явление пастуху на этом месте иконы Пресвятой Богородицы. Многократное появление образа на одном и том же месте стало знаковым для местных жителей, которые поняли, что именно здесь «надлежит возвести храм» [9]. Влияние природы на данный культурный ландшафт неоспоримо: идут естественные процессы, что приводит к адаптации культовых творений к природным изменениям, обеспечивающих развитие культурного ландшафта. Монастырь продолжает развиваться и в наши дни, привлекая как местных жителей, так и гостей полуострова.

Наконец, третья категория, ассоциативных ландшафтов, выделенных в документах ЮНЕСКО, непременно должна быть наполнена ярко выраженным интерпретационным потенциалом. На развитие воображения человека влияет не только искусство, но и религия, которая, абстрагируясь от материальной оболочки, способствует конструированию фантастических образов, воспринимаемых верующим человеком реально. В работах Ю. А. Веденина выделяются четыре типа ассоциативных ландшафтов: мемориальные и событийные; ландшафты, связанные с жизнью великих людей; культурные ландшафты с местами, нашедшими отражение в творчестве деятелей искусства; сакральные ландшафты, хранящие память о значимых событиях и религиозных ценностях [2, с. 35-36].

Однако, если в мемориальных ландшафтах, связанных с военной историей, религия не проявляется непосредственно, то в трех других типах верования могут иметь определяющее значение. К примеру, для представителей православного мира Таврическая губерния часто воспринимается как место рождения и жизни Святителя Луки, известного врача-человека и чудотворца (тип ассоциативного культурного ландшафта, связанный с жизнью великих людей).

Типы ассоциативных культурных ландшафтов, связанные с местами, нашедшими отражение в творчестве деятелей искусства, и ландшафтами, хранящими память о значимых событиях и религиозных ценностях, соответственно, могут переплетаться в одном культурном ландшафте. Сакральное значение для крымского полуострова и всего православного мира имеет музей-заповедник Херсонес Таврический. Античный город Херсонес с VI в. до н.э. считается своеобразным символом греческой культуры в Крыму, но сегодня он ассоциируется не столько с политеистическими образами одной из богатейших в культурном плане цивилизаций. В современной России - это символ православной культуры, которую Москва как «Третий Рим» должна оберегать. На месте построенного во второй половине XIX века Собора Владимира Великого, находилась древняя церковь Рождества Божией Матери, где крещение принял князь Владимир Великий [11].

Вместе с тем, важным вопросом современной культурологии является осмысление культурного ландшафта поликонфессионального региона. Сегодня в мире практически не осталось территорий, в пределах которых проживали бы представители только одной религии. Поликонфессиональность в региональном контексте подразумевает проживание в границах определенного географического образования представителей двух и более религий. Данная специфическая среда может складываться либо исторически, либо в связи с политическими и экономическими детерминантами. В некоторых случаях (например, миграцион-

ный кризис в современной Европе) процесс формирования много религиозности имеет вынужденный характер и не всегда в полной мере воплощается в культурном ландшафте. Причина этому – такие обстоятельства, как непродолжительный период времени проживания на территории, неблагоприятная обстановка, отсутствие политических, культурных, социальных и иных условий для совместного проживания приверженцев различных религий. Что же касается исторически сформированной поликонфессиональности, она непременно влияет на формирование культурного ландшафта, поскольку с течением времени не только вырабатываются механизмы совместного проживания представителей различных религий, но и создается особый культурный ландшафт, наполненный синтетическими элементами.

Поликонфессиональность является одной из характерных черт культурного ландшафта и Крымского полуострова. История формирования культуры Крыма связана со сложными этническими процессами. В различные исторические периоды Крым становился местом проживания большого количества различных народностей, среди которых были греки, готы, гунны, киммерийцы, тавры, татары, хазары, караимы, крымчаки и др. Оставляя на полуострове следы своих культур, они формировали уникальный по этническому разнообразию культурный ландшафт. В дальнейшем усложнение социально-политической обстановки в мире привело к переселению на территорию Крыма народов, которые и в настоящее время продолжают создавать его культурный ландшафт. Однако, если при анализе межнациональных отношений, складывающихся на полуострове, часто констатируются некоторые сложности, детерминированные историческими событиями, то в культурном контексте давно произошло переплетение разных религий.

Поликонфессиональность культурного ландшафта Крыма может быть осмыслена в нескольких контекстах. Ю.А. Веденин в состав культурного слоя вклю-

чает людей, живущих в пределах местности, входящей в состав культурного ландшафта, а также в созданные ими материальную и духовную культуры. Это означает, что особенности ландшафта будут детерминированы этно-религиозным фактором. В соответствии с этим подходом, изучение поликонфессиональности Крыма должно осуществляться в ретроспективе.

Очевидно, что культурный ландшафт полуострова отличается религиозная многослойность, формировавшаяся поэтапно. Помимо языческих верований, на статус древнейшей для Крыма религии может претендовать православная ветвь христианства. Затем на территорию полуострова проникают ислам суннитского толка, иудаизм и католичество. И каждая эпоха оставила свой культурный след, выразившийся в специфических архитектурных постройках, культовых сооружениях, предметах быта, искусства и т.д.

Однако главным следует считать формирование уникальных верований, воплотивших не только многовековые традиции пришлых народов, но и сконструировавших на территории Крыма новые культурные формы. Примером такого соединения традиционных и новаторских проявлений стал культурный ландшафт, созданный караимами. Крымские караимы, используя в своей культуре тюркские обычаи, образы и язык, приняли иудаизм. После этого в своей повседневной жизни они начали пользоваться и тюркским, и древнееврейским языком. Созданный караимами комплекс культовых сооружений – кенас на Чуфут-Кале и в г. Евпатория передает дух традиционной для данного народа религиозной культуры, воплотившийся не только в религиозных сооружениях, но и в атрибутивных элементах: водохранилище «муслук», мужской дворик, где собирались мужчины перед молитвой, «азары» – террасы с отведенными для обуви молящихся нишами и фонтаном для культового омовения, «мошав зекенив» (так называемое «место стариков»), трапезная («шухтан»), а также помещения для молитвы женщин, что свидетельствует о раздельном участии

женщин и мужчин в богослужении, а также том, что в кенасы молодые девушки не допускались [12].

При рассмотрении поликонфессиональности в описанном контексте анализ данного культурного ландшафта допустим исключительно для конкретного исторического периода, когда представители караимов испытывали необходимость в удовлетворении своих религиозных потребностей. Эта черта говорит об историчности как характерной особенности крымского ландшафта. Сегодня караимы представляют собой один из самых малочисленных народов в России, поэтому созданный ими культурный ландшафт можно отнести к реликтовым, теряющим свое первоначальное религиозное значение в виду его превращения в памятник религиозной культуры.

В. Н. Калущкий трактует культурный ландшафт с позиции этнокультурологии и наделяет языковую систему и духовную культуру, в состав которой, кроме религии, входят музыка, литература и искусство, функциями «метаязыка». В соответствии с этим подходом культурный ландшафт рассматривается как нечто целостное, воплощающее синкретическое единство. В этом случае конкретная религия рассматривается не столько как самобытное явление, а, скорее, в соотношении с иными религиозными верованиями, вписывается в поликонфессиональный культурный ландшафт [10, с. 321].

По мнению Е. М. Главацкой, доминирующее значение при формировании религиозного ландшафта, имеет наиболее многочисленный народ [4, с. 46-82]. Вместе с тем, данное утверждение перестает быть убедительным в условиях поликонфессионального региона. Особенно, если речь идет об историческом процессе формирования поликонфессиональности. Последователь К. Сойера Дж. Дункан обратил внимание на особенности не только создания, но и понимания культурного ландшафта. «Прочтение» и понимание его особенностей зависит от интерпретатора. В условиях поликонфессионального общества прочтение инокультурного ландшафта представляется возможным

только в контексте выражения традиций иных культур. Длительное проживание на одной территории народов-носителей различных религиозных убеждений приводит к выработке универсального метаязыка, способного передать смысл и значение символическим системам. Этот факт в полной мере соответствует принципу мультикультурализма, а способность понимать смысл культурных объектов, имеющих значение для другой религии, характеризует крымчан как представителей целостной полиэтнической общности, имеющей общие смысловые и духовные основания, созданные и разделяемые крымчанами.

В этом ключе особый интерес представляет г. Евпатория, который на туристических картах нередко называется «Новым Иерусалимом» – по наименованию недавно восстановленного туристического маршрута. Во время освоения этого маршрута, знакомясь с объектами материальной и духовной культуры, гости города окунаются в особенности сразу четырех религий, традиционных для Крыма: православия, ислама, иудаизма и караимизма.. При этом одна религия плавно перетекает в другую, конструируя культурный ландшафт с невыраженными религиозными ареалами. В то же время определение четких границ распространения религий становится препятствием при восприятии особенностей поликонфессионального культурного ландшафта.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Таким образом, с точки зрения выраженности религиозного компонента можно выделить культурные ландшафты, специфика которых связана с одной религией, или же культурные ландшафты, отличающиеся поликонфессиональностью. При этом поддержание поликонфессиональности невозможно без внимания к каждой из представленных религий, поскольку аутентичный ландшафт сохраняется только при их симфонии, что требует бережного и эффективного управления культурной сферой.

В настоящее время поликонфессиональность по праву можно воспринимать

как специфическую черту крымского культурного ландшафта, поскольку свойственное для Крыма религиозное разнообразие, сопряженное с географической автономностью полуострова и его уникальной природой, создают ощущение целостности, завершенности и самобытности. В то же время эклектичность, проявляющаяся в застройке городов, в разнообразии ландшафтов и исторических эпох, населяющих полуостров народов,

хотя и затрудняет процесс формирования единого культурного пространства, но лишь технически. Но именно такая яркая культурная палитра становится основой для расширения существующих горизонтов развития полуострова. На сегодняшний день развитие культуры в Крыму невозможно без обеспечения государством условий для поддержания поликонфессиональности его культурного ландшафта.

-
1. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. – 1915. – Т. 51. – № 9. – С. 463–475.
 2. Веденин Ю. А. Ассоциативные ландшафты России // Лесной вестник (1997-2002). – 2000. – № 5. – С. 35–41.
 3. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 66–73.
 4. Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 76–82.
 5. Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 4 (5). – С. 26–40.
 6. Кулешова М. Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках / М. Е. Кулешова. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. – 90 с.
 7. Николаев В. А. Ландшафт географический // Большая российская энциклопедия. – Том 16. – Москва, 2010. – 751 с.
 8. Новосельская В. А. В. Крымские ландшафты: единство культурного и природного // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 4 (67). – С. 47–57.
 9. Свято-Успенский монастырь в Бахчисарае. – URL: https://tonkosti.ru/Свято-Успенский_монастырь_в_Бахчисарае (дата обращения: 04.04.2021).
 10. Стрелецкий В. Н., Чернов С. З. Культурный ландшафт // Большая российская энциклопедия. – Том 16. – Москва, 2010. – 751 с.
 11. Херсонес Таврический. Государственный историко-культурный музей-заповедник. Официальный сайт. – URL: <https://chersonesos-sev.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
 12. Чореф М. Я. Архитектурные особенности караимских построек в Крыму. – URL: <https://bahch.rk.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2021).
 13. Шишин М. Ю. Ноосферная концепция культуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филос. наук (24.00.01) / М. Ю. Шишин; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2003. – 52 с.
 14. Яблоков И. Н., Борунков Ю. Ф., Никонов К. И. Основы религиоведения / И. Н. Яблоков, Ю. Ф. Борунков, К. И. Никонов. – М.: Изд-во Высшая школа, 1998. – 480 с.
 15. There exist a great variety of Landscapes that are representative of the different regions of the world. Combined works of nature and humankind, they express a long and intimate relationship between peoples and their natural environment. – URL: <https://whc.unesco.org/en/culturallandscape/> (дата обращения: 04.04.2021).

The article considers the role of the religion in the formation of the cultural landscape, examines the phenomenon of the religious landscape. The religious factor is represented in three dimensions: the objective-material, the intellectual-aesthetic and the spiritual. The analysis of the poly-confessionality as a feature of the cultural landscape on the example of the Crimean Peninsula is carried out.

Keywords: *the cultural landscape; the religion; the multi-confessional; the spiritual content of the cultural landscape; the culture of the Crimea.*

УДК 13.01.11

Л. П. Авдонина, Л. В. Савостьянова

Гуманитарные технологии в формировании вторичной языковой личности при изучении иностранного языка

Авторы рассматривают вопрос о гуманитарных технологиях в современную эпоху ускоряющегося научно-технического прогресса. Основное внимание в статье уделяется возможности гуманитарных технологий влиять на качество и ценность образовательного процесса. Гуманитарные технологии обеспечивают быструю адаптацию обучающегося к новой культуре при изучении иностранного языка, формируют вторичную языковую личность и обеспечивают последующее активное её развитие. При использовании эффективных методик гуманитарных технологий, эффективных средств обучения иностранному языку обязательно достигается высокий результат – сформированная вторичная языковая личность, т.е. коммуникативно-активный субъект, способный средствами иностранного языка познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность. Для достижения такого результата средством обучения может стать путеводитель как один из дискурсивных жанров географической литературы.

Ключевые слова: автокоммуникация, вторичная языковая личность, гуманитарные технологии, дискурс, интимизация, прагматика текста, путеводитель.

Современный мир – мир ускоряющегося научно-технического прогресса, время интенсивного развития, когда активно идет процесс интимизации, т.е. восприятия информации таким образом, когда адресант и адресат понимаются как люди, совершенно различные по образу мыслей и чувств. По этой причине их понимание отправленной информации может различаться. В современной культуре постмодерна адресант не только создает, отправляет, но и кодирует информацию в соответствии с требованиями той культуры, которую он представляет. Адресат не только получает, но и должен раскодировать полученную информацию, осуществить процесс автокоммуникации,

авторизации [1]. Результат декодирования может оказаться не тем, что кодировалось. В XXI в. можно с очевидностью говорить о новой направленности развития науки и технологий – о приближении их к отдельному человеку, его интересам, стремлениям и потребностям, достичь которого возможно при помощи гуманитарных технологий.

Актуальность проблемы объясняется необходимостью выявления совокупности технологий, методов, дидактических материалов для повышения эффективности обучения иностранному языку, направленных на достижение цели с номинальным качеством и оптимальными затратами, что крайне важно в эпоху глобализации.

Целью настоящего исследования является изучение возможностей современных гуманитарных технологий в повышении эффективности обучения иностранному языку.

Задачи исследования:

- выявить особенности вторичной языковой личности как «метапродукта», типичного для межкультурной коммуникации;

- оценить возможности вторичной языковой личности как гуманитарной технологии, обеспечивающей высокое качество обучения иностранному языку.

Проблему активно изучают такие исследователи, как Г. И. Богин, В. И. Карасик, В. В. Зеленская, Ю. Н. Караулов, А. А. Лазарева, Ю. Г. Момотова, Е. В. Потёмкина, Е. В. Сидоров, С. А. Сухих, И. А. Феоктистова, которые достаточно полно определили сущность понятия «вторичная языковая личность» и важность ее формирования.

Часто исследователи используют в качестве рабочего определения В. Силантьевой о гуманитарной технологии как способе «реализации языковых решений, опирающихся на ценностный пласт сознания индивидов и групп» [3, с. 410], где под ценностным пластом понимаются и рациональный сознательный, и эмоциональный бессознательный уровни психики.

Л. Г. Веденина, Е. В. Воевода, В. С. Глаголев, Н. А. Кузнецова, Е. И. Пассов, А. В. Шестопал, Б. Г. Юдин и др. добавляют к данному пониманию развитие личности как важную функцию гуманитарных технологий, что крайне актуально для XXI в. Эти технологии облегчают социальную адаптацию, помогают людям включиться в социум, активно развиваться. Это особенно важно при изучении иностранных языков, когда возникает необходимость формировать вторичную языковую личность, поскольку именно адаптируемость, как «вписываемость» в определенную культуру, может иметь конкретное практическое значение (см. работы С. Г. Вокачева, Н.Д. Гальсковой, В. И. Карасика, В. П. Конечко и др.) [2].

Термин «вторичная языковая личность» (1927 г.) тоже понимается по-раз-

ному, но целям настоящего исследования соответствует понимание её как базового национально-культурного прототипа носителя языка с учетом мировоззренческих установок, ценностных приоритетов, поведенческих реакций, отраженных в тезаурусе [1]. Со сформированной вторичной языковой личностью иностранец имеет возможность «вписаться» в культурное пространство страны изучаемого языка и облегчить адаптацию к новой культуре.

С течением времени гуманитарные технологии меняются. Знаниевая парадигма сменилась деятельностной. Сейчас наступило время антропологической парадигмы, когда усиливается приближение к личности, а сама личность «присваивает», интериоризирует нужные времени компетенции, изменяет свою мотивацию, отношения, личностную позицию.

Важно, чтобы современный человек ориентировался на гуманистические идеалы, создавал атмосферу творчества, развивался. Антропологическая парадигма, интимизация, в наше время осуществляется средствами информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Они способны обеспечить индивидуализацию и дифференциацию обучения.

Например, платформа «Три суперсилы английского от ЯндексПрактикум» позволяет:

- усвоить лексику и грамматику. Это делает «*первая сила*» - «Умная платформа»;

- сформировать речевые компетенции. Пять преподавателей разного возраста и пола из разных стран развивают разговорный английский, демонстрируя особенности локального английского (акценты, лексика и даже синтаксис). *Это вторая сила*. Например, владеющие английским немцы при использовании английского Perfect могут создавать рамочную конструкцию. Примеры этому есть даже в Протоколах заседаний Российской академии наук за 1742 г., когда дежурным секретарем, ведущим протокол, был академик-немец;

- *получить обратную связь* от личного учителя, владеющего русским языком;

Данная платформа обеспечивает формирование всех уровней вторичной языковой личности:

– *вербально-семантический* (лексикон, отдельные слова как единицы вербально ассоциативной сети, структурно-семантические связи изучаемого языка);

– *лингво-когнитивный*, тезаурусный уровень (понятия, идеи, концепты, языковая картина мира, отражающая иерархию ценностей);

– *мотивационный* (прагматический уровень), т.е. коммуникативно-деятельностные потребности личности.

Вторичная языковая личность позволяет обучаемому адаптироваться, реализоваться в чужой культуре, осуществлять вербальное поведение в различных коммуникативных ситуациях, понять базовый национально-культурный прототип носителя языка, его мировоззренческие, гендерные установки, ценностные приоритеты, поведенческие реакции.

В настоящее время востребованными при обучении английскому языку стали такие технологии, как:

– *Flipped classroom*: обучаемые заранее получают теоретический материал, изучают его, а при встрече с преподавателем только обсуждают полученную информацию в свободной беседе;

– *Dogme style*: педагог отвлекается от учебников и ведет свободную беседу с обучаемым;

– *Task based learning*: преподаватель создает определенную коммуникативную ситуацию, в которой обучаемый должен общаться (заказать билет, пройти собеседование, сделать заказ в ресторане, обратиться к врачу в больнице и т.п.);

– *CLIL (Content and Language Integrated Learning)*: обучение ведется на изучаемом иностранном языке. Серьезное внимание здесь уделяется chunks (словосочетаниям), т.к. они обеспечивают беглость речи;

– *Blended Learning*: смешанная форма - online и offline;

– *Игровая форма*: есть возможность использовать ролевые игры;

– *Мобильные девайсы*: используются различные обучающие платформы (Quislet, ELSA, Busuu и т.д.);

– *Embodied Learning*: обучаемый выполняет называемые ему действия;

– *Inquiry-based Learning*: общение педагога и обучаемого ведется на тему, интересную последнему.

Популярен также метод SAY для детей 3-8 лет (автор Ю. Горбовская).

Обучаемый со временем осознает вербально-семантический код носителей языка (языковую и концептуальную картины мира), что позволяет понять новую социальную действительность. Показателем сформированной вторичной языковой личности будут элементы зрелой диглоссии [4].

Современный мир очень подвижен и давно осознал, что путешествие - не только прагматика, но и отдых, развлечение, удовольствие, познание нового. Информацию обо всем этом можно получить из путеводителя. Поэтому и обучать языку можно при помощи путеводителя, используемого в качестве средства обучения. Путешествие всегда было формой познания мира, люди путешествовали ради получения новых знаний о мире. Путеводитель, как длинный сериал, с каждой новой страницей будет открывать ранее неизвестное: мир, людей, язык. Он представит учебный материал особым образом:

– лексическими единицами, грамматическими структурами, обеспечивающими социокультурные знания о стране изучаемого языка (географическое положение, история, традиции, ментальность и т.д.). Учебные действия на этом этапе традиционные: трансформация, презентация, имитация, подстановка. При этом в монологической речи создаются два функционально-смысловых типа текста – описание (античные периплоусы, стадиазмы, перигезы, проскинитарии) и повествование (средневековые «Бордосский путник» (333 г.), и вадемекумы (VIII в.), Safarnama (1003-1077), Journey Through Уэльс (1191), описание Wales (1194) от Джеральда Уэльса, путевые журналы Ибн Джубайра (1145–1214), Ибн Баттуты (1304–1377), Афанасия Никитина «Хождение за три моря» (1466) и т.д.). Интересны и китайские книги о путешествиях (youji wenxue) во время правления династии Сун (960–1279).

Появление бедекера в XIX в. завершило этап поисков и проб, и путеводитель

обрёл современные структуру и содержание. Кроме того, он стал дискурсивным жанром географической литературы, обеспечивающим интеллектуальный контакт автора и пользователя.

Обучаемый, работая с путеводителем, постоянно развивается, впитывает новые мысли, идеи, новую ментальность. В процессе обучения расширяется кругозор, появляется необходимость оценивать, сравнивать, выбирать, а для этого надо иметь систему нравственных критериев. При дальнейшей работе с текстом путеводителя он постепенно расширяет свой лексикон, углубляет знания по грамматике, осмысляет функционально-стилевые особенности изучаемого языка. Прочные навыки владения языком обеспечивают чтение, вопросы, ответы, пересказ, обсуждение, презентации докладов на языке с элементами сравнения культур, тексты-рассуждения с монологом, диалогом, полилогом, тексты разных жанров на материале текстов путеводителя (интервью, дискуссии, беседы, рассуждения с элементами полемики). Эти задания направлены также на формирование умений говорения при обсуждении текста или его отдельных моментов (выявляются понятия, формулируется согласие/несогласие, обосновывается свое суждение, организуется диалог по теме, берется интервью у сторонников и противников идей, сравниваются точки зрения).

Можно, как советует Н. К. Пригарина, создавать самостоятельные высказыва-

ния (придать вежливую форму просьбе; попросить сделать что-либо, используя необходимые выражения; узнать у собеседника его мнение по проблеме и т.д.) [4].

Изучение языка с помощью путеводителей по Крыму XIX в., написанных иностранцами, дает возможность познакомиться с ценными документами и информацией о времени вхождения Крыма в состав Российской империи. Для изучения английского языка можно работать с путеводителями Ж. Кравен, Э. Кларка, М. Гатри, М. Ходернесс, К. Коха, Р. Лайелла. Немецкий язык станет более доступным после работы с путеводителем Н. Клемана, а французский – с путеводителем Ш. Монтандона, который называют первым иностранным путеводителем по Крыму.

Итак, проведенное исследование показало, что обучающие возможности гуманитарной технологии «вторичная языковая личность» при обучении иностранному языку с путеводителем как средством обучения достаточно высоки. Эта технология стимулирует, вызывает интерес обучаемого к познанию нового, мотивирует его. Коммуникативная рамка путеводителя превращает путеводителя в культурного посредника, друга и советчика, который делится информацией по просьбе пользователя. В дальнейшем планируется при работе со старыми путеводителями уделить внимание причинам изменения языка с течением времени и оценить причины этих изменений.

-
1. Авдони́на Л. П. Формирование вторичной языковой личности в процессе обучения русскому языку как иностранному. – В сб.: Филологическое образование в 21 веке: проблемы и способы их решения. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2016. – С. 5–10.
 2. Житенев А. А. Интимизация как художественная стратегия: опыт Серебряного века/ Ученые записки Томского университета. – 2020. – № 334. – С. 7–10.
 3. Потёмкина Е. В. «Вторичная языковая личность» как объект лингводидактики // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 59–64.
 4. Пригарина Н. К. Формирование вторичной языковой личности в процессе обучения русскому языку как иностранному. – URL:<http://moyuniver.net/formirovanie-vtorichnoj-yazykovoj-lichnosti-v-processe-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu/>
 5. Силантьева М. В. Современные гуманитарные технологии в контексте российской действительности / М. В. Силантьева // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. – М., 2009. – С. 407–418.

The authors consider the issue of the humanitarian technologies in the modern era of accelerating the scientific and technological progress. The article focuses on the possibility of the humanitarian technologies to influence the quality and the value of the educational process. The humanitarian technologies provide a quick adaptation of the student to a new culture when learning a foreign language, form the secondary language personality and ensure its subsequent active development. While using effective methods of the humanitarian technologies, the effective means of teaching the foreign language, the high result is necessarily achieved – the formed secondary language personality, i.e. the communicative-active subject capable of learning, describing, evaluating, transforming the surrounding reality by means of the foreign language. To achieve such a result, the guidebook can become a teaching tool as one of the discursive genres of the geographical literature.

Keywords: *the autocommunication, the secondary language personality, the humanitarian technologies, the discourse, intimization, text pragmatics, the guidebook.*

Туристический дизайн: российские города

В статье город рассматривается как объект видов жизнедеятельности человека в его историческом, культурологическом, искусствоведческом, научном видении. Показана многоярусность подходов к понятию города и, соответственно, концепции въездного и внутреннего туризма. Понятие «туристический дизайн» предложено в контексте российских городов и основано на понятиях «пространство – время – человек (город) – город (человек) – информация» в контексте «внешнее – внутреннее» пространство, «прошлое – настоящее – будущее», «концептуальное – перцептивное – экзистенциальное – художественное» городское пространство.

Показана необходимость создания связей «человек (прошлое, настоящее, будущее) – театр – музей – библиотека – архитектура – путь».

Ключевые слова: город, пространство, время, путь, дорога, путешествие, жизнь, люди, дизайн, туризм, Россия.

Актуальность исследования. Город исторически является центром притяжения людей, передовых технологий в различных областях. Туристический дизайн, как самостоятельное направление, на данный момент встречается в названиях нескольких международных компаний как TDG (Travel Design Group, Австралия), но как самостоятельная область научного исследования не рассмотрен [7]. Поскольку в научной сфере туризм представлен как область социологии, культурологии и экономики, то искусствоведческий контекст туристической деятельности проанализирован в части архитектуры как основы построения туристических маршрутов, основанных на архитектурно-стилевом путешествии, семантических и семиотических путях в пространстве. Более употребителен термин «дизайн путешествий», который в терминологическом аппарате туризма появился в начале XXI в. [9, с. 3]. Дизайн

путешествий в основе своей подразумевает путешествие как проектирование эмоционального исследования. По сути, мотив выбора того или иного маршрута, той или иной формы путешествия, в основном, обусловлен в туристической сфере социальной модой.

Постановка проблемы. Туристический дизайн в совокупности предполагает выбор путешествия с акцентом одновременно на три составляющие пути или их элементы: «внешнее – внутреннее» пространство, «прошлое – настоящее – будущее», «концептуальное – перцептивное – экзистенциальное – художественное» городское пространство наряду с выбором характера мобильности на основе мировоззренческих представлений о пути.

Образы пространства в отечественной науке освещены в работах Н. А. Арутюновой, А. Вежбицкой, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова,

Н. И. Толстой, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян. В области искусствознания методологические вопросы освоения пространства представлены в работах А. В. Иконникова, Д. Л. Спивак, В. Л. Глазычева, К. Линча, М. С. Кагана, О. И. Генисаретского, П. А. Флоренского и др.

Изучением образов стран и границ пространства заняты Д. Н. Замятин, А. В. Павловская, Г. Г. Почепцов, С. В. Сопленков и др.

В иностранных научных трудах туристический дизайн трансформирован в темы: «spatial turn»: «литературный жанр, рассказ территории», «литературный нарратив пространства», «восприятия устройств и стратегий инновационного пространства»; «семиотическая навигация», wayfinding (1960-е), «культурный туризм», «туризм XXI», которые активно исследует Politecnico di Milano в сфере подготовки магистров по направлениям: коммуникативный дизайн, дизайн продукта, а также под эгидой департамента архитектуры и городских исследований (DASTU). В России в XXI веке «spatial turn» обозначает «моделирование географических образов» [5, 17]. Основы понятия заложены В. Н. Топоровым, введшим определение «город как текст» на основе литературного жанра путевых записок и дневников XIX века.

В 1970-е г. Д. Харвин для определения «пространственного сознания», позволяющего «индивидууму понять роль пространства и места в его/её жизни и увидеть события и собственный опыт через призму географии» ввёл термин «география воображения» [6, с. 24]. Т. Чен и С. Лим ввели понятие «мета-нарративы места» [4, с. 181]. В области восприятия пространства как субъекта известны работы П. Бурдьё, П. Штомпка, Д. Грегори, Б. Андерсона, Вахштайна и Верлена. Каждым из них пространство рассмотрено с позиции социального, социально-культурологического в современном или историческом контексте, в т.ч. через призму моделирования туристического имиджа «страна (география, программа, стратегия, модель) – регион – турист (внешний, внутренний)», который в ре-

альности может не соответствовать действительности согласно концепции постмодернизма.

Туристический дизайн российских городов востребован и частично разработан в контексте города как центра научных и искусствоведческих достижений. Традиционные исторические концепции города в разных странах на первый план образования городов в основном выставляют коммерческую деятельность. Здесь в некоторой мере возникает конфликт между причиной возникновения города и целью путешествия человека. Естественно, что коммерческая составляющая имеет место быть при посещении городов с целью делового туризма как торговли и покупки на уровне индивидуального туриста и профессиональных групп на экономических форумах и выставках.

Однако, город представляет собой прежде всего пространство времени и деятельности. Здесь возникает вопрос исследований и разработки разных видений российского города разными группами людей. В условиях антропоцентризма, вывода на первый план человека как божественной сущности принцип организации и проектирования городов отличен от принципов проектирования городской среды в техногенной цивилизации. Естественно, что при меньшем количестве перемещений между странами и городами самобытность культуры была на более высоком уровне по сравнению с 2020 г. и модель, образ путешественника был иной. В любом случае глубинные, внутренние процессы перемещений в пространстве представляются актуальными, прежде всего, с позиции мировоззрения человека и сообщества относительно сознания себя в связи «пространство – время».

Объект исследования. Пространство, туристический дизайн, методика проектирования туристического дизайна.

Предмет исследования. Российские города во взаимосвязи «пространство – время – человек (город) – город (человек) – информация», в контексте «внешнее – внутреннее» пространство, «прошлое – настоящее – будущее», «концептуальное – перцептивное – эк-

зистенциальное — художественное» пространство.

Цель исследования. Обозначить принципы туристического дизайна в контексте российских городов.

Результаты исследования. Модель пространства, характерная для той или иной культуры, в этнографической практике представлена на уровне мифов. В дальнейшем архаические представления усложнялись, а в некоторой степени и упрощались, постепенно удаляясь от подхода, называемом в современной культурологической практике «география воображения». Все архаические модели основывались на представлениях о космосе, макрокосмосе с разной степенью масштабности, объёмно-пространственных характеристик и их границ. В разный исторический период космогоническое представление менялось под влиянием внешних или внутренних факторов, и, наряду с изменением мировоззрения, представлений о Космосе, менялось научное и художественное видение, логическое и образное мышление.

Туристическая концепция в рамках эволюции, основанная на представлении о городе как взаимосвязи «пространство — время — человек» является вопросом до конца не осознанным. Здесь актуален вопрос целеполагания пути как такового и роли города на этом пути. История человечества насыщена войнами за пространство, экономическое и политическое господство. Конфликт между исторической доминантой развития цивилизации и туристической сферой состоит в том, что большинство туристов не отправляется в путешествие по тропам войны, хотя подобный подход существует в виде юбилейных автопробегов, например, относительно Великой Отечественной войны, и может существовать как самостоятельное направление в туристическом дизайне.

Война всегда подразумевает разрушение и хаос. Во время войны многие города подвергаются уничтожению. После военных действий от них остаются полные или частичные руины. Многие города в истории человечества остались в таком состоянии и рассматриваются сейчас

как отдельное направление исследований и социального дизайна [7]. Ведь если посмотреть на одну из наиболее посещаемых стран в мире — Грецию, то её древняя история представлена, в основном, руинами. Но при этом Греция является страной с наиболее известной, согласно документальным источникам, страной с сохранившейся мифологией, научно обоснованной концепцией антропологической архитектуры, школы искусства и т.д. Руины Афин рассматриваются не только как часть войн на Пелопоннесе, но и как часть коллективной памяти Афин, разрушение которых способствовало созданию демократии, и впоследствии руины часто презентуются как отношение к политическим, экономическим, социальным процессам.

Представление о городе меняется с течением времени, как и мировоззрение, и отношение к путешествиям, к пути как таковому. Возникает вопрос формирования туристической концепции страны и её основ. Туристический дизайн не может существовать вне общей концепции развития государства. Если в концепции развития государства, стратегических планах его развития туризм присутствует как перспективная статья с акцентом на экономический подход, подразумевающий увеличение доходов от мобильности, туристической инфраструктуры без согласованной политики в области урбанистического, архитектурного, промышленного и графического дизайна, науки и искусства, веб-дизайна, социального дизайна, этнографических дизайн-исследований, то туристический дизайн в России не выйдет за рамки географического и исторического туризма.

Город, как пространственное явление в более масштабном пространстве страны, отличается с внешней точки зрения географическим положением и масштабностью. Масштабность как внешний фактор может быть несоизмерим по внутреннему наполнению масштабности с точки зрения времени и деятельности. В существующей туристической концепции России, согласно соотношению масштабности — «географическая, математическая,

численная – историческая», характерны схемы: «масштабный город – масштабная история» (Москва, Санкт-Петербург), «малый город – масштабная история». Здесь возникает и вопрос масштабности. Поскольку географический масштаб города с одинаковым количеством жителей будет отличаться для России, Европы, Азии и т.д., возникают вопросы пространства и способа ориентирования в нём, готовности к восприятию иного пространства для внешнего туриста и для внутреннего туриста из другого региона, с иной географической картиной мира.

Для Западной Европы, представляющей мобильное туристическое сообщество, характерна плотная компоновка городов с доминированием архитектурного, искусственного объёма над естественным пространством, но с масштабным историческим объёмом и пространством. В России иной фактор масштабности – на уровне границ страны. На подсознательном уровне восприятия объёмно-пространственных структур ожидание иностранного туриста от России – это полное погружение в тождественность масштабности «город – история». Аналогичная картина характерна и для российского туриста. Отличия между внешним и внутренним туристом заключаются в степени готовности и эмоционального, интеллектуального отклика. По состоянию на 2020 г., для российского туриста характерна туристическая цель «город – история» в масштабном историческом контексте. Поэтому маршруты «Золотое кольцо», Крыма занимают лидирующие позиции в европейской части России с учётом фактора «время». Поскольку страна не ограничена такими столичными конгломератами и древнерусскими городами как Суздаль, Козельск, Торжок и т.д. следует в туристическом дизайне учитывать временные интервалы «прошлое – настоящее – будущее». А если вновь посмотреть на историю как на военную, то Суздаль, Козельск, Торжок, Тула («Куликово поле», Моховое, Тульская обл.) могут представлять самостоятельный туристический маршрут, связанный с нашествием татаро-монгол и противостоянием им

русичей. С исторической точки зрения туристический дизайн в стране не представляет страну в исторической динамике «Гардарика – Тартария – Киевская Русь – Российская империя – РСФСР – Россия». Каждая стадия является отдельной легендой и реальностью, определяющей и прошлое, и настоящее, и будущее. Подобный подход рассмотрен в контексте музейного дизайна, но в туристическом дизайне в России не продуман контакт «туристический маршрут – музей». В основном, туристический дизайн выступает как смешение стилей, времён и направлений, за исключением туристического маршрута «Большое Золотое кольцо», «Малое золотое кольцо», разработанных в утраченный исторический период страны – РСФСР. Руины разрушенных городов в России не оформлены в самостоятельный раздел туристического дизайна, за исключением незначительной части сакральных мест (культовые места, религиозные памятники, затопленные города, места массовых захоронений и гибели воинов), древнегреческих городов (Херсонес, Танаис). При этом, в туристической стратегии государства, туристическом дизайне целесообразно было ввести направление «исчезнувшие города, цивилизации, культуры, страны» как самостоятельного, на примере, которого осознавалось бы значимое и незначимое в мире относительно понятий доброты, мира, любви и того, что в современной цивилизации уже забывается – гуманное развитие сообщества. Отдельное исследование требуется для «мёртвых» городов, имеющих несколько пространственных форм с позиции времени.

Соотношение временных периодов для разных российских городов различно. В любом случае, в пространстве большинства российских городов более выявлено прошлое с разной степенью погружения в него. Прошлое может быть древним – с глубиной погружения и выявленных исторических объектов от X в. и далее до XX в., с разными стилевыми и мировоззренческими установками государственности и космогенности [1]. Город может быть произведением XX в.,

основанным полностью на началах советского реализма. Поэтому возникает вопрос: как сформировать туристическую концепцию для российских городов, принцип организации которых совершенно, на первый взгляд, различен. Каким образом – постепенно или одновременно – выстроить туристические маршруты? С учётом обширного географического и исторического разнообразия России необходима концепция туризма, позволяющая совершить сквозное временное путешествие, показывающие достоинства и недостатки каждого исторического периода или предлагающего посетителям туристического маршрута самим сделать вывод о векторе развития города во временном и пространственном формате одновременно.

Исторически в европейской части мира городское пространство окружалось оборонительной оградой с разным количеством входов/выходов в зависимости от удалённости от морских побережий и других водных источников. Крепостная, замковая, форма городов на возвышении характерна для эпохи средневековья. В отличие от западноевропейской планировки, для русских городов характерна более открытая планировка. С продвижением на юг степень открытости усиливалась, поскольку отношение к пространству диктуется и самим пространством. Материковая степь характеризуется открытой структурой и нравом людей, проживающих на ней, в отличие от горских и лесных пространств.

В дальнейшем формообразование городов с укреплением государственности приобретает форму открытого и развивающегося в разных географических направлениях мест, основанных на первоначальной планировке. В разных странах – разное представление о городах, а соответственно о взаимодействии «человек – место – жизнь – деятельность». Масштабное соотношение 4-х параметров может составить основу классификации городских мест и в целом поселений. В классификации городов, опирающейся на возрастной фактор и характер землепользования, предложенной

австралийским географом Т. Г. Тейлором, представлены пять типов: инфантильные (без четкого зонирования), ювенальные (с развитой сетью магазинов), подростковые (имеющие фабрики), ранние зрелые (с отдельным районом высококлассного жилья), зрелые (с определёнными промышленными, коммерческими и различными типами жилых районов) [5]. В культуре западных стран, зачастую, город воспринимается не как пространство, а как «место» с открытыми или закрытыми границами, наделённое с самых ранних этапов массовой урбанизации и индустриализации общинным духом, направленным на защиту от любой угрозы, социального беспорядка, классовой войны и революционного насилия. Последние события в Европе, Америке показывают, что города давно превращены в разнородные сообщества, которые объединены только географическим пространством, коды которого не воспринимаются по причинам утраченной памяти внутреннего пространства и полного отчуждения от планетарного кода.

Относительно древнерусских городов в науке принята схема «город – функции – потребности общества – центр». В научном сообществе конца XIX – начала XX в. древнерусский город рассматривался как: 1) старший, вольный город – столица земель, княжеств; 2) княжеские города – удельные, волостные центры, осуществлявшие торговую и судебную деятельность; 3) крепости – пограничные города княжеств; 4) центры феодальных вотчин [2, с. 28]. С архитектурной точки зрения форма древнерусских городов основывается на космологическом представлении «Солнце – тепло – свет – жизнь» и, соответственно, для них характерна радиальная лучеобразная структура [1, с. 13]. Такая структура характерна для всех типов древнерусских городов, в том числе и окраинных, где центром выступал детинец. Изменения произошли в эпоху Просвещения. После народного восстания под предводительством Емельяна Пугачёва Екатерина II повелела запретить радиальную планировку городов в России, кроме регулярной и

крестообразной, характерной для большинства городов Западной Европы, Америки, Австралии [3]. В настоящее время в России город рассматривается с точки зрения количества проживающих людей, объектов разного назначения с наличием архитектурного или пространственного масштабного центра в виде центрального здания и/или площади.

Так или иначе, город представляет собой некий центр, в котором люди объединяются по какому-либо признаку, как центр власти, торговли, производства, образования, медицины, культуры и т.д. Города могут быть узкоспециализированными или иметь широкий профиль концентрации разных видов деятельности, осуществляемых на его территории. Город в отличие от станицы (деревни, села) отличается масштабностью, включая размеры города, зданий, сооружений, уличных пространств и пропорциональностью осуществляемых на его территории видов жизнедеятельности.

Города отличаются масштабностью, архитектурным стилем и соответствующей им инфраструктурой, включающей комплекс архитектурных и инженерных сооружений, обеспечивающих жизнеобеспечение населения. Город является местом концентрации науки, искусства, ремёсел и торговли. В различных городах наблюдается разная пропорциональная составляющая этих факторов. Одни города склоняются больше в сторону промышленности, другие – торговли, искусства, образования и т.д. С художественной точки зрения, как высшей формы восприятия и проектирования телесной и духовной структуры города, преследуется основная задача – достижение равновесия всех факторов и сохранение наследия обозначенного пространства в пространстве с доисторических времён. С этой целью туристический маршрут города, как физически, так и интеллектуально (посредством планировочных, архитектурных решений, событийных действий, выставочных событий) в соединении «время – пространство» видится через объекты и субъекты, явления, которые способны представить его в стилевом единстве.

Туристический дизайн в городе можно представить в двоякой форме – «внешний – внутренний». Под внешним туризмом предполагается посещение города людьми и группами из других регионов, областей, страны или зарубежья. Внутренний туризм рассматривается в нашем варианте как туризм внутри города. Последнее актуально, с одной стороны, как одна из форм проведения свободного времени в выходной день, а также для людей с ограниченными финансовыми возможностями. С другой стороны, внутренний туризм в городе актуален с точки зрения формирования национальной идентичности населения той или иной части страны как части единого целого, одновременно имеющего свои антропологические, географические и, в целом, мировоззренческие особенности. Одновременно в концепции туристического дизайна учитываются объёмно-пространственная структура города, масштабность, симметричность, динамичность с характером личности путешественника, спецификой его образного мышления, нейронной активности, физической мобильности и характеристик центральной нервной системы.

Концепция «внешнее – внутреннее». Внутреннее пространство относится к объектам культурного назначения, включая как интерьерное убранство музеев, театров, библиотек, частных домовладений, так и событийные мероприятия. С целью создания синтетического, комплексного восприятия культурной составляющей города необходимо создать связь «человек (прошлое, настоящее, будущее) – театр – музей – библиотека – архитектура – путь». С этой целью программы постоянных и временных экспозиций должны быть согласованы с театральными постановками, ключевыми датами города, с библиотечными экспозициями и творческими музыкальными и поэтическими событиями, проводимыми в них, т.е. рассматриваться как комплекс эвент-дизайна, искусства и науки. С учётом архитектуры города, стиля города ставятся и театральные постановки.

Формирование целостного представления об историческом прошлом города реализуется при взаимодействии «музей –

библиотека». Расширение и усиление этой связи осуществляется при дополнении театральных постановками и этническим кино. Для гармоничного развития туристической составляющей городского пространства музейные выставки и библиотечные экспозиции согласуются со светскими и религиозными календарями традиционных праздников, характерных для истории города, ориентируясь на разные гендерные группы. Экспозиции подкрепляются выступлением творческих коллективов с учётом статичности и динамичности времени и пространства. Поскольку в любом городе существует множество пластов ландшафта как природного, так и исторического, целесообразно в рамках музея иметь мультимедийный зал, в котором возможно создание постоянной мультимедийной экспозиции и временных, посвящённых разным историческим периодам города, стилям, в том числе и прогнозно – футуристическим.

Выводы. Туристический дизайн в городе необходимо рассматривать по принципу матрёшки – «внешний – внутрен-

ний», которые могут меняться местами, в зависимости от уровня восприятия города человеком. Выход человека в открытый Космос обозначил тему космических путешествий как реальную, и с этой точки зрения город выступает уже и как «внешнее пространство», и как «внутреннее».

С целью погружения в пространство города в сфере туристического дизайна необходимо создать связь «человек (прошлое, настоящее, будущее) – театр – музей – библиотека – архитектура – путь».

Россия – страна со спорным и неоднозначным историческим прошлым, которое нашло отражение в градостроительных и туристических концепциях русских городов. В связи с этим для России предлагается туристический дизайн, который на примере каждого города может показать эволюционный процесс физического, чувственного, мыслительного и художественного пространства и позволит человеку осознать на примере каждого города свой путь, путь города и России.

-
1. Воробьева Т. Ю. Космизм как национальная идея дизайна России // Второй научный форум дизайнеров, г. Москва, 23 июня 2010 г. / Всерос. НИИ науч. эстетики. – М., 2010. – С. 13–14.
 2. Куза А. В. Малые города Древней Руси [Текст] / А. В. Куза; Отв. ред. А. А. Медынцев; АН СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1989. – 166 с.
 3. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве: [монография] / А. В. Иконников ; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. – Москва : URSS, сор. 2006 (Калуга : ГП Облиздат). – 349 с.
 4. Россия: воображение пространства / пространство воображения. – М.: Аграф, 2009 – 464 с.
 5. Goodall B. The Penguin Dictionary of Human Geography [Текст] / B. Goodall. – Harmondsworth, Middlesex, England ; New York, NY, U. S. A. : Penguin Books, 1987. – 509 p.
 6. Harvey D. Social Justice and the City. – Baltimore, Maryland, U. S. A.: Johns Hopkins University Press, 1973.
 7. Devecka M. A Historical Sociology of Ruins. – Baltimore, Maryland, U. S. A.: Johns Hopkins University Press, Publication Date: 1 Sep 2020. – 184 p.
 8. Travel Design Group. – URL: <https://traveldesigngroup.com.au> (дата обращения 20.11.2020)
 9. Boarnet M G., Crane R. Travel by Design: The Influence of Urban Form on Travel. – New York: Oxford University Press, Mar 8, 2001. – 240 p.

The article considers the city as an object of the human life activities in its historical, cultural, the art history, the scientific vision. The article shows the multi-tiered approaches the concept of the city and, accordingly, the concept of the inbound and domestic tourism. The concept of “the tourist design” is proposed in the context of the Russian cities and is based on the concepts of “space – time – the person (city) – the city (person) – the information” in the context of “the external – internal” space, “past – present – future”, “the conceptual – perceptual – existential – artistic” urban space.

The necessity of creating links “the person (past, present, future) – the theater – the museum – the library – the architecture – the path” is shown.

Keywords: *the city, the space, time, the path, the road, the travel, the life, people, the design, the tourism, Russia.*

УДК: 008

Л. С. Крюкова

Языковое разнообразие в России и в Европе

В статье рассматриваются вопросы сохранения языкового разнообразия в России и в Европе, нормативно-правовая база и меры, предпринимаемые в данном направлении. Российская Федерация поддерживает сохранение родных языков на федеральном и региональном уровнях. Европейский союз проводит политику мультилингвизма для создания многонационального, мультикультурного и многоязычного общества.

Ключевые слова: языковое разнообразие, язык, многонациональность, культура, Российская Федерация, Европейский союз.

Для каждой нации родной язык имеет особую ценность, поскольку он является не только способом общения, но и главным признаком национальной идентичности, «оптимальным способом постижения его культуры» [1, с. 124]. Несмотря на то, что Россия многонациональная страна, население которой говорит на 295 языках [8], официальный государственный язык Российской Федерации – русский. В то же время, в Европейском союзе насчитывается 23 официальных языка [12], есть языки, закрепленные в конституциях стран-участниц ЕС, языки малочисленных народов и др. При этом сохранение языкового разнообразия является приоритетной задачей, как для правительства Российской Федерации, так и для государств, входящих в состав Европейского союза.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ факторов языкового разнообразия в России и в Европейском союзе, проводимых мероприятий и языковой политики в сфере сохранения и развития языкового разнообразия. Россия

и Европа выступают в качестве объекта исследования, поскольку представляют особый интерес для изучения этого явления. В результате своего исторического развития Российская Федерация стала многонациональным, мультикультурным и многоязычным государственным образованием. В Европейском союзе, изначально многонациональном, внутри многих государств также есть свои национальные образования.

Предмет исследования – языковое разнообразие, его сохранение и меры, предпринимаемые в этом направлении Российской Федерации и Европейским союзом. Вопрос сохранения языкового разнообразия сейчас очень актуален, так как процессы глобализации и развитие информационных технологий часто оказывают негативное влияние на языки и культуру малочисленных народов и национальных меньшинств, вытесняя их и заменяя на более распространенные и доминирующие языки и культуры (например, английский язык).

В результате изучения научной и публицистической литературы, государственных и международных документов становятся очевидными как общие направления, так и различия в языковой политике ЕС и РФ.

Особенность Российской Федерации, делающая ее уникальной, – это ее многонациональность. Согласно Конституции Российской Федерации, все народы РФ имеют право на национальное самовыражение, а национальное многообразие России является ее духовным богатством и охраняется государством. Большое значение отводится и роли языка как главного символа нации. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «О государственном языке» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ, русский язык – единственный официальный государственный язык Российской Федерации [4], [5]. Кроме русского языка, в республиках Российской Федерации используются их титульные языки, которые также официально закреплены в конституциях республик. Следовательно, в нашей стране насчитывается еще 23 официальных языка субъектов РФ и 10 языков с официальным статусом [6, с. 184].

Во всех регионах Российской Федерации были приняты законы о языках и программы по сохранению и развитию языков, на федеральном и региональном уровнях государство оказывает поддержку развитию родных языков и расширению их функциональных возможностей. Однако длительный период забвения, сложное положение, в котором долгое время находились языки малочисленных народов, а также процессы глобализации, стирающие различия между культурами и устанавливающие единые нормы, модели поведения и доминирующие языки, значительно замедляют процесс восстановления, сохранения и развития национальных языков. По оценкам некоторых исследователей, чтобы добиться «реального языкового трансформирования общества», потребуется 2-3 поколения упорной и непрерывной работы [3, с. 260].

При этом исчезновение угрожает, прежде всего, тем языкам, на которых гово-

рят этнические меньшинства, самые незащищенные в политическом отношении сообщества. Как правило, это представители коренного населения. Несмотря на то, что на них приходится до 60 % зафиксированных на Земле языков, их численность составляет всего 4 % населения Земли [2, с. 8].

В качестве примера сокращения языкового разнообразия В. М. Смокотин приводит процессы постепенного исчезновения языка сиреникских эскимосов (Чукотка), алеутского диалекта острова Алту, языка эйак (северно-западная Аляска) и керекского языка (север Камчатки и Чукотки).

Следует отметить, что независимо от сокращения количества языков и диалектов среднестатистический индекс разнообразия не изменяется, так как разнообразие сохраняется на индивидуальном уровне. В последнее время люди изучают и знают все больше языков. Еще одним важным фактором, влияющим на рост количества ситуаций языковых контактов, является мобильность. Она может быть физическая, что подразумевает возможность легко перемещаться в пространстве, и виртуальная, т.е. доступ к разным Интернет-ресурсам на иностранных языках. Благодаря мобильности увеличивается количество лексических заимствований и интерференционных явлений в грамматике, что, в свою очередь, приводит к большему внутриязыковому разнообразию. Таким образом, при сохранении определенной средней нормы языкового разнообразия все же сокращается количество именно языковых систем. Данное явление ограничивает наши знания о мире, поскольку «сокращение числа языков означает сокращение числа когнитивных механизмов» [2, с. 9].

Европейский союз проводит последовательную и целенаправленную политику в области сохранения языкового разнообразия. Как мы уже указывали, в Европейском союзе насчитывается 23 официальных языка [12]. При этом в каждом из государств-членов ЕС, в соответствии с конституцией или другим законом, закреплены свои государственные

языки. Более того, некоторые страны, входящие в состав ЕС, изначально представляют собой мультилингвистические страны, в которых несколько официальных языков, включая и так называемые языки меньшинств [6, с. 184]. Например, Великобритания, в которой кроме английского официальными языками также являются валлийский, гэльский, скотс, корнский, ирландский, и Швейцария с четырьмя официальными языками (немецким, французским, итальянским, ретороманским) и другие страны.

В результате подписания в 1992 г. Мaaстрихтского договора о создании Европейского союза европейские государства отказались от традиционной политики одноязычия и использования доминирующего языка в качестве единственного официального в работе Союза, отдав предпочтение законодательной поддержке многоязычия и языкового разнообразия и преодолению языковых и культурных барьеров. Для достижения этой цели необходимо было преодолеть одноязычный менталитет на уровне рядового гражданина ЕС.

В связи с этим в 1995 г. Европейский парламент, Совет и Комиссия проводят мероприятия по поддержке языкового разнообразия и многоязычия с использованием концепции непрерывного обучения. Так, 1996 год был провозглашён «Европейским годом обучения в течение всей жизни», особое внимание уделялось «важности роли непрерывного обучения в течение всего периода жизни отдельной личности» [9, с. 45]. Кроме того, в докладе Европейской комиссии от 1995 г., «Белой книге» по вопросам образования в условиях построения обучающегося общества, впервые шла речь «о компетентности для всех на трёх языках Сообщества».

Следующий доклад Комиссии от 1996 г. – «Зелёная книга» – по вопросам преодоления препятствий академической мобильности между странами ЕС, окончательно устанавливал требование овладения тремя европейскими языками как условия осуществления профессионального роста и преодоления барьеров,

препятствующих академической мобильности [13, с. 30].

В 2000 г. на заседании Европейского совета в Лиссабоне приняты решения, ставшие основой для развития образования и профессиональной подготовки в европейских странах на 10 лет. В рамках рабочей программы «Образование и профессиональная подготовка 2010» Европейская комиссия разработала рамочную стратегию многоязычия для повышения эффективности овладения языковыми умениями и навыками [10]. Среди целей и задач Лиссабонской программы – повышение качества образовательных систем за счёт использования Интернет- и мультимедийных технологий, облегчение доступа к образованию путём увеличения возможностей академической мобильности и создание систем образования, открытых для мира. Для достижения этих целей стало необходимым создание единого Европейского образовательного пространства, а его неотъемлемыми составляющими – академическая мобильность, обучение иностранным языкам, тесные связи с производственной и исследовательской средой и гражданским обществом [7, с. 61-62]. Важным условием осуществления этой задачи было изучение двух языков Европейского Союза в дополнение к своему родному языку в течение не менее двух последовательных лет [11].

Таким образом, Европейский союз проводит политику мультилингвизма, в основе которой лежит стремление создать многонациональное, мультикультурное и многоязычное общество, граждане которого, активно изучая иностранные языки и культуру других стран-участниц ЕС, в то же время сохраняют свой язык и культуру. Следует также отметить широкое распространение английского языка как одного из рабочих языков ЕС и наиболее простого и удобного для общения между жителями всех стран-участниц. Похожую роль в Российской Федерации играет русский язык, который является наиболее приемлемой альтернативой при общении представителей разных национальностей, проживающих на территории России. Меры, предпринимаемые

для сохранения языкового разнообразия в Российской Федерации, значительно отличаются от языковой политики Европейского союза, что обусловлено иным политическим устройством, нормативно-правовыми базами и особенностями этих образований. Для сохранения языкового разнообразия на территории РФ,

кроме уже предпринимаемых действий, необходимо тесное сотрудничество с языковыми сообществами, учёными, представителями малочисленных народов, пропаганда на государственном уровне идеи о преимуществах двуязычия или многоязычия (и не только в отношении изучения иностранных языков).

-
1. Астафьева О. Н., Козловцева Н. А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. №3. – С. 122–138.
 2. Головкин Е. В. Языковое разнообразие на территории России: проблемы документирования и интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. №2. С. 7–21.
 3. Мустафина Д. Н. Поддержка и развитие языкового многообразия в современной России // Вестник ЮУрГГПУ. 2010. №11. – С. 256–263.
 4. О государственном языке Российской Федерации 2005. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 11.08.2020).
 5. О языках народов Российской Федерации 1998. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 11.08.2020).
 6. Смирнова Т. П. Современная языковая политика Европейского союза и Российской Федерации: сравнительный анализ // Политическая лингвистика. 2013. №3. – С. 183–186.
 7. Смокотин В. М. Новый этап в развитии принципа многоязычия в Европе: построение многоязычного и поликультурного общества // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №333. – С. 61–66.
 8. Языки России. – URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirk/> (дата обращения: 10.08.2020).
 9. Decision No. 2493/95/EC of the European Parliament and Council of 23 October 1995 establishing 1996 as the «European Year of Lifelong Learning». – URL: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzienniki-UE/95-431-ec-decision-no-2493-95-ec-of-the-european-parliament-and-of-the-68165844> (дата обращения: 08.08.2020).
 10. Education & Training 2010 // ETUCE Circular. 2 / 2005.
 11. Report from the Commission of 31 January 2001: The concrete future objectives of education systems. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX%3A52001DC0059> (дата обращения: 08.08.2020).
 12. The European Commission Website. – URL: https://ec.europa.eu/info/index_en (дата обращения: 11.08.2020).
 13. White Paper on Education and Training – «Teaching and Learning towards the Learning Society». – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d0a8aa7a-5311-4eee-904c-98fa541108d8/language-en> (дата обращения: 08.08.2020).

The article discusses the issues of preserving the linguistic diversity in Russia and Europe, the legal framework and measures accepted in this direction. The Russian Federation supports the preservation of the native languages at the federal and regional levels. The European Union pursues the policy of multilingualism in order to create the multi-ethnic, the multicultural and multilingual society.

Keywords: language diversity, the language, the multiculturalism, the culture, the Russian Federation, the European Union.

УДК 331.105.441

А. В. Сафонов

Роль профсоюзных организаций в регулировании социокультурных процессов в регионах и муниципальных образованиях

В данной статье исследуются роль и место профсоюзных организаций в области регулирования социокультурных процессов. Выявлено, что законодательство о профсоюзах устарело и не удовлетворяет современным требованиям. Проанализированы ключевые функции профсоюзов, а также определены актуальные проблемы в данной сфере. Автором выработаны рекомендации, которые позволят оптимизировать деятельность профсоюзных организаций в различных сегментах общественной жизни, в том числе социокультурном.

Ключевые слова: профсоюзные организации, законодательство, культура, общественные организации, функции, защита, проблемы профсоюзного движения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что интеграция российского общества в рыночную экономику не представляется без прогрессивного развития и совершенствования института защиты прав и интересов граждан, участвующих в социально-трудовых отношениях. Ключевая роль в данном вопросе отводится профсоюзным организациям.

Основными проблемами, обозначенными в настоящей статье, выступают противоречия, которые тормозят деятельность и снижают роль профсоюзов как организаций, способствующих решению насущных проблем в жизни общества, защите прав и интересов своих членов.

Объектом исследования в данной работе являются профсоюзные организации.

Предмет исследования – деятельность профсоюзных организаций в регулирова-

нии социокультурных процессов в регионах и муниципальных образованиях.

Целью настоящей работы является анализ места и роли профсоюзных организаций при регулировании социокультурных проблем в жизни общества.

Задачи данного исследования следующие:

- выявить позицию профсоюзных организаций в системе общественных отношений;
- рассмотреть основные подходы к деятельности профсоюзных организаций;
- определить круг проблем, актуальных для профсоюзных организаций;
- проанализировать роль профсоюзных организаций при регулировании социокультурных общественных процессов;
- предложить ряд рекомендаций по оптимизации решения социокультурных проблем со стороны профсоюзов.

Обращаясь непосредственно к данной теме, стоит подчеркнуть, что генеральной идеей профсоюзов выступает защита трудовых, профессиональных, культурных и социально-экономических прав и интересов членов данной организации, обеспечение занятости, достойной оплаты для всех работников и благоприятных условий труда, а также оказание содействия в укреплении здоровья работников и их семей [4]. Однако немаловажно отметить, что защита социокультурных интересов населения – это одно из приоритетных направлений деятельности профсоюзных организаций, как одного из крупнейших институтов гражданского общества.

На наш взгляд, исследование роли профсоюзных организаций в сфере культуры в современных реалиях приобретает особую актуальность, потому как данная проблема, несмотря на тенденцию возрастания интереса к данной теме в научном сообществе, нуждается в дополнительном изучении ключевых вопросов, ориентированных на теоретическое исследование и практическую реализацию. Последнее особенно актуально в российском обществе, поскольку процессы трансформации в нем вынуждены идти по ускоренным линиям развития, что обусловлено затяжными кризисными явлениями в развитии страны.

В научной литературе до конца не определено место профсоюзных организаций в системе становления культуры гражданственности в социуме. Тем не менее, существует множество подходов к определению понятия «профсоюз». Нам импонирует точка зрения российских исследователей В. И. Башмакова и Ш. З. Санатулова, которые полагают, что «профсоюз – это крупный и независимый общественный институт, от функционирования которого зависят формирование социального государства, становление рыночных отношений и развитие демократии» [1, с. 65].

В продолжение вышеназванной мысли, нам представляется актуальным выделить позицию отечественных ученых Н.Д. Цыганенко и И. Ю. Фомичева: «Сохранение профсоюза как инструмента

поддержки работающего населения влечет за собой возникновение более стабильной ситуации в сфере труда с положительной тенденцией к повышению материального положения граждан. Деятельность профсоюзов плодотворно отражена в современной социологической мысли России и имеет долгосрочные перспективы» [5].

В целом, в социологической литературе отмечается множество подходов к анализу деятельности профсоюзных организаций, однако, стоит обратить внимание на то, что преобладающее число зарубежных и отечественных исследователей поддерживают актуальную парадигму трехстороннего взаимодействия профсоюзов, работодателей и работников.

В периоды социальных потрясений и нестабильности во всех сферах жизнедеятельности человека (как, например, в конце XX века в РФ), а также девальвации базовых социальных гарантий и снижении дохода работников, формируются предпосылки для множества конфликтов. Одним из путей решения назревших общественных проблем выступает модель, которая базируется на системе, предполагающей партнерские взаимоотношения между обществом и властью, где посредническая роль принадлежит профсоюзным организациям.

В современных реалиях у большинства социально-активного населения происходит переоценка демократических ценностей и формируется осознание того, что именно граждане должны принимать активное участие в решении большинства социально-важных проблем при поддержке государства. Это обуславливает особое положение профсоюзов, которые, благодаря своим уставным характеристикам, ориентированы на решение практического всего спектра общественных проблем.

Демократия, законодательно закреплённая на территории Российской Федерации, подразумевает не только формальное развитие юридических норм и положений, но и непосредственное активное участие граждан в решении насущных проблем наравне с государственной

властью. В свою очередь, профсоюзы, по сравнению с другими гражданскими организациями, играют особую роль ключевого транслятора культуры гражданственности. Организации данного профиля выполняют социально важные задачи, например:

- представление интересов работников разных сфер и уровней, участие в коллективных переговорах;
- обеспечение достойного и справедливого размера оплаты труда, пособий и стипендий;
- сохранение гарантии для реализации медицинского обслуживания и получения образования;
- контроль за исполнением положений трудового договора и Трудового кодекса РФ, защита работников от противозаконных увольнений;
- мониторинг в сфере занятости граждан трудоспособного возраста и выполнения сокращения штата с последующими гарантиями, установленными законодательно;
- участие во всестороннем развитии членов профсоюзной организации, с помощью проведения мероприятий, нацеленных на оздоровление, а также организация культурно-массовой и просветительской деятельности.

Особый интерес в рамках данной темы представляет анализ функции культурной защиты интересов граждан. Это достигается возможностью профсоюзов оказывать непосредственное влияние на социокультурную политику, проводимую государством, добиваясь того, чтобы культура и образование относились к категории общественных благ, а не становились товаром.

Нам импонирует высказывание известного художника и гуманиста Н. К. Рериха: «Истинно, спасение в культуре». Данным высказыванием автор подчеркивает значение культуры в жизни социума, выделяя этимологию ключевого слова, что, несомненно, углубляет взгляд на привычное понятие культуры и конкретизирует его. Ведь все без исключения индивиды живут в мире культуры, который их формирует и дает возможность

понимать принципы устройства социальной реальности и обозначать свое место в мире. Культура выступает как определение содержания самой жизни граждан, их материальной и духовной среды.

Также культура выполняет социализирующую и гуманистическую функции по отношению к человеку. Мы считаем, что нарушение прав, закрепленных Конституцией РФ в сфере культуры, технократический подход к управлению социокультурными процессами и отсутствие возможности для социально-культурной деятельности, не может в полной мере позволить социуму и государству реализовать свой потенциал.

Очевидно, что культура России выступает неотъемлемой частью мирового культурного пространства, которое детерминирует появление позитивных тенденций в своем развитии, однако, противоположным явлением становится процесс глобализации, способствующий проникновению в культуру российского общества негативных тенденций. В контексте культурной интеграции, по всему миру отмечается постепенное исчезновение временных, пространственных и социальных барьеров, вследствие чего образуется единое культурное и информационное пространство.

Отрицательные факторы, которые получают активное распространение и возможности в условиях глобализации, различны, а диапазон их воздействия достаточно широк – начиная от стандартизации культурных ценностей до внедрения инновационных технологий. Обеспокоенность вызывает то, что социокультурные процессы негативного характера в России получают динамичное развитие в кризисные периоды для страны, из-за чего отмечается высокий уровень деструктивных процессов в социальной сфере и отсутствие должного внимания к культуре как ключевому средству сохранения личности со стороны власти и социума.

Опираясь на общие закономерности, актуальные для современного мирового и культурного пространства, представители культуры надеются, что с помощью

мобилизации институтов гражданского общества государство сможет выработать методы и технологии регулирования социокультурных процессов, которые помогут стране сохранить и приумножить культурные достижения и прочно закрепить за собой передовое место в мировом сообществе.

Весьма интересна точка зрения российского юриста Д. Г. Диамантиса, что «...рассматривая культурно-просветительскую функцию, следует отметить, что она гораздо реже упоминается в уставах профсоюзов, в то время как уставы могут быть как отраслевыми, так и приниматься территориальными объединениями. Прежде всего, фактором для этого является резкое сокращение объектов культуры, находящихся в ведении профсоюзных организаций» [2].

С автором этой мысли трудно не согласиться, поскольку в современных реалиях отмечается замедление культурной жизни общества. Главной причиной такой ситуации является общий моральный климат в стране. Регулирование же социокультурных процессов и сохранение единого, особенного, культурного пространства России выступает сегментом совместной ответственности как представителей государственной власти, так и местного самоуправления, и, безусловно, институтов гражданского общества.

Обращаясь к проблеме взаимодействия культуры и власти, немаловажно отметить, что после распада Советского Союза, отношения между властью и культурой претерпели кардинальные реформы. Это обусловлено тем, что из-за потери интереса первой к культурному сегменту как к механизму формирования мировоззренческих установок у молодежи, трансформировались в отношении власти, общества и социокультурных процессов. За последние десятилетия сфера духовной самореализации граждан также существенно трансформировалась: утрачена роль культуры как ключевого инструмента, определяющего сознание и установки людей в интересах государства, что привело к минимизации контроля в сфере культуры со стороны власти.

К сожалению, неблагоприятной тенденцией является «остаточный подход» к гуманитарной сфере, который проявляется не только в ее финансировании по остаточному принципу, но и в самой концепции данного подхода к культуре среди государственных и муниципальных органов власти. Это обуславливает распространение «некультурности населения», которая менее очевидна и не вызывает беспокойства у власти, в отличие от экономических и производственных кризисов.

Пока государство игнорирует помощь профсоюзов в отстаивании социокультурных интересов населения, достойного уровня жизни граждан, и существует утверждение, что в РФ реализуется демократия, и «диалог с населением» будут недоступны.

Согласно законам общественного развития, в социуме выстраивается определенная иерархия потребностей, поэтому профсоюзам, в первую очередь, необходимо выяснить, какое место в данной системе занимает культура.

Для достижения продуктивного взаимодействия населения и власти существуют профсоюзы, призванные вести политику в целях оптимизации культуры страны. Согласно Конституции РФ, государство выступает основным гарантом и координатором социокультурных процессов.

С помощью механизма социального партнерства профсоюзные организации способны добиться коренных изменений в системе защиты культуры и творческого выражения личности, которые должны содержаться в праве личности на самореализацию, качественную профессиональную подготовку и переподготовку, достойную оплату и условия труда. Важны и прочие гарантии, закрепленные законодательством, в том числе: «Право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры и доступ к культурным ценностям» [3].

По нашему мнению, кадровая незащищенность, отсутствие необходимой нормативно-правовой базы обуславливает востребованность развития социального партнерства в области культуры, особен-

но на региональном и муниципальном уровнях, где достижение результата отмечается сразу, а также имеется активная поддержка населения.

Деятельность профсоюзов в современном мире ограничена рядом проблем.

Во-первых, профсоюзы вынуждены приспосабливаться к условиям, которые диктует работодатель, а не формировать новые требования для защиты работников/студентов.

Во-вторых, немаловажной проблемой является трудность в преодолении неформальных трудовых отношений, которая прослеживается в том, что профсоюзные организации не могут противостоять аутсорсинговым схемам и гибким условиям труда. Деятельность профсоюзов удобна и понятна на крупных предприятиях, где система труда четко регламентирована законом. Профсоюзам для продуктивной деятельности необходимо развиваться с учётом расширения сферы неформальной занятости и цифровизации труда.

В-третьих, современные профсоюзы в организациях и на предприятиях должны вести эффективную информационную политику с целью ознакомления общественности с направлениями помощи и поддержки своих членов.

Для того, чтобы в полной мере реализовать функцию защиты прав граждан в регулировании социокультурных процессов со стороны профсоюзных организаций, предлагаем следующие рекомендации:

- Предоставить профессиональным союзам право законодательной инициативы при наличии более 10 тысяч членов организации.

- Усилить информационную составляющую своей деятельности профсоюзов посредством продвижения информационных платформ в популярных социальных сетях (Instagram, Tik-Tok, Telegram, Вконтакте), что также позволит сформировать новое мировоззрение граждан, в котором культура будет выступать ценностью.

- Организовать профсоюзную деятельность таким образом, чтобы она начиналась с учебного заведения и продолжалась этой же организацией непосредственно на предприятиях, с целью развития нового уровня профсоюзного движения, которое будет выступать гарантом безопасности и защищенности студентов и будущих работников.

- Расширять представительство профсоюзных организаций в муниципальных органах власти, посредством координации советов организаций, участвовать в избирательных кампаниях.

Резюмируя вышесказанное, мы отмечаем, что роль профсоюзных организаций весьма велика в области социокультурного общественного развития, необходима лишь поддержка со стороны государства с целью оптимизации деятельности профсоюзов, ориентированной на решение актуальных проблем граждан.

-
1. Башмаков В. И. и Санатулов Ш. З. Профсоюзы современной России. Социологический аспект. – М.: ЭКСМО, 2007 – 203с.
 2. Диамантис Д. Г., Крючков М. С. Совершенствование деятельности профсоюзных организаций / Д. Г. Диамантис, М. С. Крючков. // Universum: экономика и юриспруденция. – 2014. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-deyatelnosti-profsoyuznyh-organizatsiy>.
 3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.consultant.ru/>
 4. Постановление Центрального Совета Профсоюза работников РАН от 02 декабря 2014 г. – URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=980bda5f-28f4-4867-a182-68e9942fd5fb>
 5. Цыганенко Н. Д., Фомичев И. Ю. Значимость профсоюзов в формировании устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве // Социология. – 2020. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-profsoyuzov-v-formirovanii-ustoychivogo-polozheniya-grazhdanskogo-obschestva-v-sotsialnom-prostranstve>.

This article examines the role and the place of the trade union organizations in the regulation of the socio-cultural processes. It is revealed that the legislation on the trade unions is outdated and does not meet the modern requirements. The key functions of trade unions are analyzed, as well as the actual problems in this area are identified. The author has developed recommendations that will optimize the activities of the trade union organizations in the various spheres of the public life, including the socio-cultural sphere.

Keywords: *the trade union organizations, the legislation, the culture, the public organizations, functions, the protection, the problems of the trade union movement.*

УДК 130.2: 78.01

Н. Ф. Тихомирова

Стили музыкальной культуры в дискурсе трансдисциплинарности

В данной статье рассматривается сущность понятия «трансдисциплинарность», аргументируется актуальность трансдисциплинарного подхода в современной науке, подчеркивается методологическая продуктивность указанного подхода, раскрываются особенности трансдисциплинарного системного подхода к изучению стилей музыкальной культуры. На его основе определены методы культурологического анализа музыкального стиля.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, наука, система, стиль, музыкальная культура.

Актуальность. Междисциплинарность – это явление, которое характеризует познавательный процесс XX-XXI веков и является отличительной чертой современной науки и других типов интеллектуального производства. С междисциплинарными исследованиями связывают новые достижения в мировой науке.

По аналогии с междисциплинарным подходом, новый подход получил название трансдисциплинарный системный подход (от лат. trans – сквозь). Понятие «трансдисциплинарность» и его первое определение как размещение междисциплинарных отношений внутри глобальной системы без строгих границ между дисциплинами предложены швейцарским психологом и философом Жаном Пиаже в 1970 году.

В научном дискурсе современности понятия междисциплинарности и трансдисциплинарности используются широко, разрабатывается философская и методологическая проблематика этих феноменов со-

временной науки. В области исследования проблем трансдисциплинарности признанными авторитетами считаются Н. Лапьер, А. Лихнерович, Э. Морен, Б. Николеску, Ж. Пиаже, Э. Янч.

В 1987 году создаётся Международный центр трансдисциплинарных исследований (CIRET – Centre International de Recherches et Etudes Transdisciplinaires) – некоммерческая организация, базирующаяся в Париже. Президентом этой организации стал румынский физик Басараб Николеску. На первом съезде указанный центр принял Хартию трансдисциплинарности, под которой стоят подписи Э. Морена и Б. Николеску [8].

На необходимость применения трансдисциплинарного подхода к решению проблем общественного развития указывается во «Всемирной Декларации о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой в 1998 году участниками Международной конференции ЮНЕСКО. В статьях 5 и 6

данной Декларации содержатся рекомендации: поощрять трансдисциплинарность программ учебного процесса и учить будущих специалистов; использовать трансдисциплинарный подход для решения сложных социально-экономических проблем общества, организации и проведения научных исследований.

Участники Симпозиума по трансдисциплинарности (1998г.) зафиксировали свою принципиальную позицию: «Мультидисциплинарный и междисциплинарный подходы не являются средствами эффективной защиты от продолжающейся в настоящее время фрагментации знаний, поскольку, через простое сопоставление или сборку дисциплинарных подходов, они не достигают той глубины «интеграции» фундаментального единства, лежащего в основе всех форм знания. Их концептуальные и методологические инструменты должны быть переосмыслены. Трансдисциплинарность изначально задумана как «мета-методология», поэтому трансдисциплинарный подход принимает в качестве объекта именно те разные методики различных дисциплин, для того, чтобы «преобразовать» и «превзойти» их» [9].

В отечественной науке существует русская школа трансдисциплинарности. Первые теоретические работы по философским аспектам трансдисциплинарности появились в России в 2004-2005 гг. (Л. П. Киященко). Представителями русской школы трансдисциплинарности являются А. О. Жамборова, В. С. Мокий, О. Е. Шегай, Н. Я. Диденко, С. А. Беседин, Р. Б. Богатуров и др.

Трансдисциплинарный подход применяется в области культуры и искусства. Так, можно отметить культурологические исследования синтеза искусств в работах О. Н. Астафьевой, Л. М. Мосоловой, обосновывающие обращение культурологии к междисциплинарности как к методологическому инструментарию, отвечающему проблемному полю современного научного знания: «В настоящее время гуманитарное знание, обращаясь к междисциплинарным и трансдисциплинарным методам, как обеспечивающим

широкий подход к познанию сложных явлений и процессов, позволяет избежать “спекуляций будущим”, от которых мы не можем быть свободными, находясь в узкодисциплинарных границах...» [1].

В диссертационном исследовании Л. В. Лейпсон «Музыкальный материал в творчестве представителей западноевропейского авангарда второй половины XX – начала XXI века: от фонетической композиции к перформативности» [5] предложена концепция междисциплинарного подхода к современному понятию музыкального материала в музыке «неоклассической» парадигмы, введен новый многоаспектный подход к анализу трансдисциплинарной комплексности музыкального материала в произведениях представителей западноевропейского авангарда.

Л. П. Киященко доказывает, что трансдисциплинарный опыт, накапливая умения, всякий раз перепроверяет свои методологические подходы: тематизацию предпосылок и создания соответствующего словаря, формирование способов перевода междисциплинарных языков для поиска объяснительных гипотез с учетом не только прямых, но и косвенных свидетельств [3].

Контент-анализ имеющейся литературы показывает, что понятие «музыкальный стиль» допускает множество толкований, так как в рамках единой научной парадигмы могут сосуществовать различные точки зрения и различные подходы в осмыслении его феномена. Основная проблема заключается в сложности и многозначности его как объекта исследования. Стремительность развивающихся в пространстве культуры процессов требует обновления методологии исследования, способствующей реализации целостного трансдисциплинарного системного анализа стилей музыкальной культуры.

Объект исследования: музыкальный стиль в контексте музыкальной культуры.

Предмет исследования: трансдисциплинарный системный подход к исследованию музыкального стиля.

Целью данной работы является рассмотрение сущности понятия «трансдис-

циплинарность», определение методологической продуктивности указанного подхода, в частности, при изучении стилей музыкальной культуры. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- определить значение термина «трансдисциплинарность»;
- на основе трансдисциплинарного системного подхода определить методы культурологического анализа музыкального стиля.

Термин «трансдисциплинарность» употребляется в следующих значениях:

- как «декларация», провозглашающая равные права известных и малоизвестных ученых, больших и малых научных дисциплин, культур и религий в исследовании окружающего мира;
- как свойство личности, высокий уровень разносторонности, универсальности знаний конкретного человека;
- как исследование окружающего мира, определенной проблемы сразу на нескольких уровнях;
- как принцип организации научного знания, при котором происходит взаимодействие многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества [6, с. 47].

Тогда как дисциплины проводят параллельный анализ научных проблем, трансдисциплинарное исследование предполагает совместные усилия, диалог между дисциплинами, использование специально разработанных общих подходов к решению сложных вопросов вместе. Переход от дисциплинарности к трансдисциплинарности – это переход от параллельного анализа к конструктивному диалогу и осуществлению совместных проектов [4, с. 200].

В работах учёных существует понимание трансдисциплинарности как «принципа организации научного знания», открывающего широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем природы, общества и культуры. Подобное понимание позволяет учёным официально выходить за рамки своей дисциплины, не опасаясь быть обвиненным в диле-

тантстве. В зависимости от того, в каком количестве и в каком сочетании учёные будут использовать другие дисциплины в научном исследовании, трандисциплинарность ассоциируется с мультидисциплинарностью, плюро-дисциплинарностью или интердисциплинарностью.

Методологическая продуктивность этого подхода раскрывается в том, что трансдисциплинарное исследование позволяет:

- понять сложность проблемы;
- принять во внимание многообразие жизненного мира и научное рассмотрение проблемы;
- соединить абстрактное и конкретное знание;
- развивать знание и деятельность, которые предполагают достижение общего блага [2, с. 175].

Взяв за основу указанный принцип взаимодействия многих дисциплин, рассмотрим сущность трансдисциплинарного системного подхода к культурологическому исследованию стилей музыкальной культуры.

Сопоставление разных подходов к содержанию понятия «стиль» в эстетико-философской, психологической, искусствоведческой и культурологической литературе дает возможность выделить устойчивые признаки, присущие музыкальному понятию стиля. Эти признаки составляют главные свойства стиля, приобретая значение существенных признаков:

- духовность, отражающая соотношение понятия стиля с человеком, его деятельностью и результатами этой деятельности;
- типологичность, освещающая определённые свойства (признаки), которые являются основой систематизации стилевых явлений;
- целостность, которая является главным принципом функционирования стилевой системы;
- инвариантность, которая указывает на присутствие константных элементов в структуре стиля;
- содержательность формы, отражающая взаимообусловленность содержания и формы.

В трансдисциплинарной системной методологии явление «стиля» рассматривается вне рамок какой-либо одной научной дисциплины, требует привлечения ряда фундаментальных научных дисциплин, таких как философия, философия культуры, музыковедение, история музыки, музыкальная психология, музыкальная педагогика и др.

Эффективность и результативность процесса, направленного на постижение стиливых особенностей музыкального произведения, зависит от методов изучения этих особенностей, применяемых в философии, музыковедении, психологии, педагогике и др.

На основе трансдисциплинарного системного подхода определены методы культурологического анализа музыкального стиля [7, с. 7].

Так, целостный анализ музыкального сочинения, метод компаративной характеристики, обобщения, историко-стилистического обобщения, метод соотнесения с историко-стилевым контекстом, метод стиливой атрибуции, индуктивный и дедуктивный методы дают возможность приобретения знаний в области закономерностей стиля музыкальной культуры исторической эпохи, творческого направления, музыкального жанра.

Для раскрытия авторского замысла большое значение имеет подробный анализ формы, структуры в целом и в деталях, гармонии, мелодии, фактуры. Потому необходимым являются методы дифференцированного анализа, стилислухового анализа, интонационно-стилевого постижения музыки, определения стиля по гармонической вертикали.

Методы комплексного анализа исторической эпохи, словесной интерпретации содержания музыкального произведения, художественного сравнения содействуют накоплению знаний в области смежных искусств, развитию мышления, усовершенствованию исполнительского мастерства.

С помощью представленной методологии, базирующейся на трансдисциплинарном системном подходе к проблеме культурологического исследования стилей музыкальной культуры:

- прививается музыканту понятие о стиле не как о неизменной форме, а как о диалектическом явлении, сочетающем в себе и социальную память в виде объективных представлений, как исполнительскую традицию, и обязательную личностную трансформацию генетической стиливой модели;

- осуществляется осмысление музыкального текста с точки зрения существенных для музыкальной культуры проблем: традиций и новаторства, диалога культур, философии и психологии творчества;

- формируется понимание музыкального содержания произведения посредством познания смыслового аспекта стиля автора, особенности его языка в системе контекст-текст-подтекст;

- формируется умение включить музыкальный текст в широкий историко-культурный и музыкально-стилевой контекст, в систему наиболее значимых культурных ценностей;

- активизируется познавательная деятельность музыкантов благодаря активному применению принципов проблемного исследования, что способствует системной координации приобретаемых знаний, умений и навыков;

- формируется активный характер познавательной деятельности музыкантов, поскольку, осуществляя восприятие и осмысление звуковой информации, музыкальный слух включается в функциональную систему музыкального мышления;

- развивается творческий потенциал музыканта, стимулируются его духовные потребности в расширении своего кругозора и эрудиции;

- формируются высокий музыкальный вкус и навыки глубинного восприятия и постижения всей многомерной и многослойной сущности музыкального текста как явления культуры его создавшей и как явления общекультурного мирового процесса в русле национальных, региональных, эпохальных и других традиций;

- формируется установка – психическая структура, создаваемая в процессе

восприятия определенного контекста, что не только мобилизует психику на восприятие стиля и формирование его внутреннего слухового образа, но и руководит процессом исполнительского воссоздания.

Выводы. Таким образом, процессы интеграции знания в современной науке проявляются в особой форме, будучи обусловлены спецификой предметной деятельности и существующих исторических и социально-культурных реалий. Междисциплинарный и трансдисциплинарный характер познавательной деятельности выражает эту специфику наиболее явно. Сейчас трансдисциплинарный подход получил распространение в системе научных методов, применяемых в различных областях знаний. Ука-

занный подход является продуктивным и в культурологии, в частности, для изучения стилей музыкальной культуры.

Разработанная методология культурологического исследования музыкального стиля имеет практическое применение для изучения исторического стиля, стиля направления и национального стиля, стиля композитора и исполнителя. Методология трансдисциплинарного системного подхода может стать основополагающей для дальнейшей разработки концепции музыкального стиля с точки зрения современного видения и восприятия мировой культуры, может послужить теоретико-методологическим ориентиром в дальнейшей разработке концепции музыкального стиля.

-
1. Астафьева, О. Н. О фрактальных горизонтах будущего культуры / О. Н. Астафьева. – М.: Изд.- во: Моск. гуманитарный ун-т, 2018. – С. 92–101.
 2. Гуреев, П. М. Современная наука и методология трансдисциплинарности // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №1. – С.173–179.
 3. Киященко, Л. П. Культурный трансфер – тезаурус тематизации (проблема трансдисциплинарности) / Л. П. Киященко // Культура и искусство. – 2020. – №12. – С. 124–137.
 4. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2011. – №10(112). – С. 193–201.
 5. Лейпсон, Л. В. Музыкальный материал в творчестве представителей западноевропейского авангарда второй половины XX-начала XXI веков: от фонетической композиции к перформативности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: специальность 17.00.02 «Музыкальное искусство» / Л. В. Лейпсон; [Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки]. – Новосибирск, 2017. – 25 с.
 6. Нестерова, М. А. Трансдисциплинарность когнитивистики // Нова парадигма. – К.: НПУ імені М. П. Драгоманова. – 2018. – Вип. 123. – С. 42–49.
 7. Тихомирова, Н. Ф. Трансдисциплинарный системный подход к изучению стилей музыкальной культуры // Научное знание современности. – 2021. – №3 (51). – С. 5–8.
 8. Moral Project. CIRET. 1987. – URL: http://ciret-transdisciplinarity.org/moral_project.php
 9. Transdisciplinarity. Stimulating Synergies, Integrating Knowledge”. UNESCO, Division of Philosophy and Ethics. 1998. – P. 37-38. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114694>

This article examines the essence of the concept of “the transdisciplinarity”, argues the relevance of the transdisciplinary approach in the modern science, emphasizes the methodological productivity of this approach, reveals the features of the transdisciplinary systematic approach to the study of the musical culture styles. The methods of the cultural analysis of the musical style on its basis are determined.

Keywords: *the transdisciplinarity, the science, the system, the style, the musical culture.*

**ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

УДК 37.026.5

Ю. М. Тряскова

«Интересный подход к объяснению материала»: опыт применения научных мемов в образовательной среде средней школы г. Ярославль

В статье автор рассматривает возможность применения научных интернет-мемов в образовательном процессе. На основе анализа результатов экспериментальных уроков в 7-х и 10-х классах общеобразовательной школы автор обосновывает образовательный потенциал применения мемов на занятиях в учебных заведениях, раскрывает специфику применения мемов на уроках в разных классах.

Ключевые слова: научный мем, образовательный процесс, общеобразовательная школа, Рунет, модернизация.

В современную эпоху, когда ритм жизни неумолимо движет нас вперед, появляются новые тренды и новые веяния в различных сферах жизни. Неудивительно, что такой достаточно консервативный институт как образование, за ними не успевает. Современные школьники и студенты привыкли проводить все свое свободное время в интернете, рассматривая новостную ленту, в которой нередко встречаются мемы.

Мем – востребованный способ общения между пользователями интернета и новый источник знаний об окружающем мире для молодого поколения. Анализируя современную ситуацию, в которой старые методы подачи информации не удовлетворяют подрастающее поколение и молодежь – обитателей социальных сетей, мы приходим к выводу о необходимости модернизации образовательного

процесса. Мы считаем, что упомянутые выше мемы могут стать способом запоминания материала и активизации внимания учеников на занятиях.

Прежде чем обосновывать образовательный потенциал мема, стоит проследить историю смысловой трансформации этого понятия. Мем - не просто смеховой шаблон в интернете. Классическое научное определение, введенное британским биологом Ричардом Докинзом, характеризует мем как единицу передачи культурного наследия, по своим функциям равносильную гену в биологии [2]. Дуглас Рашкофф продолжает развивать понятие мема, однако, уже в пространстве медиа-среды и определяет его как медиа-вирус, способный вызвать социальные перемены [10].

С течением времени мем из культурного гена трансформировался в смешной

месседж в интернете. Его называют новой формой интернет-фольклора, о чем писали исследователи А. Б. Бочаров [1], М. О. Демидов [1], Н. А. Зиновьева [4], Н. Г. Марченко [7], Л. В. Моисеенко [8], Т. С. Савицкая [11], М. В. Ягодкина [15]. Однако совсем недавно ученые стали интересоваться образовательным потенциалом применения мемов на занятиях в учебных заведениях разного уровня. Так, в процессе исследования мы обращались к публикациям А. М. Калугина [6], О. В. Кублицкой [9], В. Р. Орловой [9], Д. Л. Савиченко [14], М. Г. Сидоренко [12], Л. В. Цаценко [14], которые обосновывали образовательный потенциал мемов.

Экспериментальный характер носит исследование Д. А. Захарутиной и К. А. Сидорова, которые, опираясь на результаты соцопроса и тестирования, доказали, что мемы могут являться источником нового знания [3].

Особое внимание мы уделили педагогической деятельности преподавателя петербургского колледжа туризма и гостиничного сервиса - Роксаны Александровны Лозовой, которая активно использует на своих уроках истории мемы и вовлекает детей в их создание. Педагогом отмечены позитивные стороны применения мемов в образовательной деятельности, а именно высокий уровень мотивации учеников к учебе, развитие критического мышления и творческого потенциала [5].

Особенностью нашего исследования стал не только впервые проведенный в средней и старшей школах цикл уроков истории с мемами в качестве иллюстративного и информационного материала, но и фиксация особенностей применения мемов в образовательной деятельности в зависимости от возраста и общей атмосферы класса.

Ключевым понятием в нашем исследовании стал научный мем – вид мема, суть которого состоит в передаче закреплённого в официальной науке знания посредством сходства смыслового и визуального уровней изображения.

Научный мем – понятие, введенное в меметический тезаурус совсем недавно.

Однако результаты исследований данного мема демонстрируют его востребованность как среди преподавателей, так и учеников, что подтверждают результаты проведенного нами микросоциокультурного опроса [13]. Большая часть респондентов – 76,5 %, среди которых были студентами, школьниками и преподавателями - выступила за введение научных мемов в образовательный процесс, указывая, что они помогут активизировать внимание учеников и помочь запомнить трудный материал. Подтвердить результаты микросоциокультурного опроса решено было с помощью проведения в общеобразовательной школе упомянутого выше цикла уроков истории с использованием мемов.

Цель исследования – проверить и оценить эффективность применения научных мемов в образовательных программах учебных заведений.

Нами были поставлены следующие задачи:

1. Провести цикл уроков в общеобразовательной школе Ярославля, применяя мемы в качестве иллюстративного материала и фиксируя особенности каждого класса.

2. На основе полученных результатов обосновать образовательный потенциал применения мемов на уроках в среднем и старшем школьных звеньях.

Объектом исследования стали мемы как современный источник знания для школьников и студентов. Предмет исследования – научные мемы как способ передачи научного знания в образовательной деятельности средней школы.

Для эксперимента были выбраны три класса: два десятых и один седьмой класс школы номер 78 г. Ярославль. Для каждого класса, ради эксперимента, разработана собственная программа применения мемов для разных возрастных категорий.

Первые уроки проводились в двух десятых классах. Для удобства дадим им номера: 10.1 и 10.2. Класс 10.2 мы определяем как неактивный, ленивый, тихий и флегматичный. На уроках с нами работали только три человека, другие дети даже не заинтересовались вопросами по

теме урока, заданными лично им. Класс 10.1 – его полная противоположность: активный, ответственный, дети – умные и отзывчивые. В этом классе с нами работали почти все дети.

Тема уроков – «Международное положение и внешняя политика СССР в 1920-е годы». При подготовке к ней использовались как мемы, найденные в группах социальной сети «ВКонтакте», так и мемы, созданные самостоятельно.

По ходу урока мы внимательно отслеживали реакцию детей на мемы. Дети «флегматичного» класса 10.2 вели себя так, словно их не интересует то, что изображено на доске, только несколько человек слабо улыбались на некоторые мемы. Во втором классе реакция была более открытой. Дети улыбались, когда видели мемы, фотографировали их, активно отвечали на вопросы и были достаточно разговорчивы. Их внимание активизировалось на получение необходимых базовых знаний, выражаемых в мемах.

Подобные отличия поведения классов на уроках мы связываем не только с атмосферой в классе, но и с характером работы с мемами. В «активном» классе мемов было в два раза больше, чем во «флегматичном», где часть презентации составляла запись текста в тетрадь.

Окончательный итог понимания научных мемов этими классами подведен во время тестирования. Были разработаны одинаковые для обоих классов два варианта теста. Вопросы делились на обычные (информация получена от учителя в устной форме или в виде текста на слайде) и «мемные» (информация дана в мемах).

Оценки за тест нас не интересовали, в отличие от количества правильных ответов на вопросы, информация по которым давалась в мемах. Согласно среднему арифметическому, количество верных ответов на «мемные» вопросы у класса 10.2 с учетом обоих вариантов составила 78,5 % на обычные 67,5%. Общий процент верных ответов на «мемные» вопросы в классе 10.1 составил 92,5% на обычные 86,6%, что тоже является показателем уровня внимательности и заин-

тересованности в материале и его подаче. Возможно, всё объясняется тем, что этот класс делает ставку именно на получения знаний.

В конце теста детям предлагалось ответить на дополнительный вопрос «Были ли в проведенных уроках какие-то особенности, которые вы хотели бы добавить в свой учебный процесс?». Ответов на этот вопрос в классе 10.2 мы получили мало - 3 человека ответили на вопрос, причем только двое из них указали в качестве плюсов мемы, а один просто сказал, что уроки ему понравились, но не знает чем. Так одна ученица писала:

«Немного другая подача информации. В презентации присутствуют «мемы», что помогло усвоить и закрепить некоторые моменты».

То есть можно сказать, что некоторые из учеников заметили специфику проведенных уроков и оценили ее эффективность в процессе запоминания материала.

В классе 10.1 ответы дали 60% человек, половина из них ответила, что хотели бы добавить в свой учебный план мемы:

«Интересный подход к объяснению материала (как использование интернет-мемов для удобного показа событий»;

«Да, очень интересный подход к уроку в виде мемов, очень интересно».

Проводя сравнительный анализ итогового теста двух десятых классов можно сказать, что не только количество мемов влияет на восприятие материала, но также атмосфера в классе и общий настрой учеников. Но можно сказать уверенно, что мемы для старшеклассников являются хорошим способом, если не для активизация внимания, то для запоминания информации – точно.

Перейдем к последней группе уроков. Третий класс мы специально выбрали из среднего звена для сравнения с уроками в старших классах и выявления различий в подаче мемов для классов старшей и средней школы. Характеристика самого класса идентична характеристике класса 10.1. Учителя описывали класс как отзывчивых детей.

Тема уроков – «Церковный раскол». Для этих уроков мемы были найдены в соцсети «ВКонтакте» или создавались самостоятельно. Была разработана и своя подача мемов. Они занимали большую часть презентации, но при этом присутствовали и слайды с текстом, который надо было записать в тетрадь, а также картинки с изображениями исторических личностей.

На мемы дети реагировали положительно. Они улыбались, смеялись, когда мемы появлялись на экране. что впоследствии они и отразили в своих ответах на специальный вопрос.

Для этого класса, как и для остальных, разработали два варианта тестов, в них приняли участие 20 человек.

В первом варианте было 6 вопросов, два из них являлись «мемными». Итоги оказались следующими: общее количество верных ответов по «мемным» вопросам составило 70,8%. Количество верных ответов по обычным вопросам - 80 %.

Как можно заметить, итоги тестов классов старшего и среднего звена заметно отличаются. Это можно объяснить тем, что дети среднего звена не способны воспринимать и запоминать информацию, поданную не в привычном для них виде. То есть, для них проще запоминать текст и картинки с действительными историческими событиями, так как юмористическая составляющая мема отвлекает, и они не воспринимают его как источник нового знания.

Но при этом часть ответивших на специальный вопрос (30%,) хотела бы видеть на обычных уроках мемы, что доказывает факт, что в среднем звене мемы – всего лишь способ активизации внимания учащихся, а не средство получения нового знания. У них нет к ним столь осознанного отношения как к источнику знания, как у детей старших классов.

«Мемы (приколы), очень запоминаются»;

«Я хотел, чтобы на обычных уроках тоже были мемы» и тд.

По итогам полученных результатов можно сделать следующие выводы. Мемы для современного учебного процесса – глоток свежего воздуха. Детям это интересно, это привлекает внимание, но работа с мемами зависит от специфики каждого класса.

Мемы будут полезны как для учеников среднего, так и старшего звена, т.к. внимание учеников активизировалось почти у всех - с этой задачей мемы справились.

Обращаясь к теме запоминания и усвоения информации по мемам, мы приходим к следующему выводу. Мемы, особенно в большом количестве, очень хорошо повлияли на запоминание информации старшим звеном, в отличие от среднего. Возможно, это связано с тем, что старшие классы способны сами делать акцент на них, анализировать и осознать, почему именно такой мем, именно такой шаблон были выбраны для него. Среднее звено не способно воспринимать мем как объект научного знания, для него это всего лишь смешная картинка. Приходится делать акцент на мемах, отделять знание от мема. Только тогда информация будет запоминаться.

Мы полагаем, что мемы на уроках можно и даже нужно использовать. Но и отношение к ним, сложность, объяснение и количество должны соответствовать индивидуальным особенностям каждого класса.

В дальнейшем планируется продолжить изучение научного мема как источника знания в образовательном процессе, но уже в деятельности преподавателей и учеников училищ и университетов.

1. Бочаров А. Б., Демидов М. О. Мемы. Мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве/ А. Б. Бочаров, М. О. Демидов// Управленческое консультирование. – 2020. – № 9. – С. 92–100.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген/ Р. Докинз// Москва: АСТ, 2013. – 512 с.
3. Захарутина Д. А., Сидоров К. А. Перспективы использования интернет-мемов в качестве вспомогательного инструмента в рамках образовательного процесса/ Д. А. Захарутина, К. А. Сидоров / DOCPLAYER: сайт. – URL: <https://docplayer.ru/198159311-Perspektivy-ispolzovaniya-internet-memov-v-kachestve-vspomogatelnogo-instrumenta-v-ramkah-obrazovatel'nogo-processa-k-a-sidorov-d-a.html> (дата обращения 12.05.2021).
4. Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема/ Н. А. Зиновьева // Дискуссия. – 2013. – № 9 (39). – С. 133–138.
5. Как правильно использовать мемы на уроках истории – рассказывает преподавательница на примере плаката «Кусь за русь»: tjournal.ru сайт. – URL: <https://tjournal.ru/internet/121601-kak-pravilno-ispolzovat-memy-na-urokah-istorii-rasskazyvaet-prepodavatel'nica-na-primere-plakata-kus-za-rus> (дата обращения 12.05.2021).
6. Калугин А. М. Интернет-мемы как средство формирования интереса у учащихся к уроку истории / А. М. Калугин// Вестник науки и образования. – 2017. – № 12. – С. 88–91.
7. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества/ Н. Г. Марченко// Казанская наука. – 2013 – № 1. – С. 113–115.
8. Моисеенко Л. В. Интернет-мем как единица социально-культурного контента / Л. В. Моисеенко// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 27. – С. 104–114.
9. Орлова В. Р., Кублицкая О. В. Роль инфографики и мемов в изучении истории зарубежной литературы в образовательной организации высшего образования: новые подходы к визуализации/ В. Р. Орлова, О. В. Кублицкая// Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2018. – № 2. – С. 299–306.
10. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура влияет на наше сознание/ Д. Рашкофф// Екатеринбург: У-фактория, 2003. – 368 с.
11. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. – 2013. – № 3. – URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvm-s3.pdf / - Режим доступа: Сайт Infoculture. – Текст: электронный.
12. Сидоренко М. Г. Исследование возможностей использования интернет-мемов в образовательном процессе/ М. Г. Сидоренко// Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2015. – № 4. – С. 101–107.
13. Тряскова Ю. М. Мем как способ представления гуманитарного знания в социальной сети Вконтакте/ Ю. М. Тряскова// Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов. Труды XXIII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2020), Санкт-Петербург, 17 – 20 июня 2020 г. – Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2020 – С. 8–10.
14. Цаценко Л. В., Савиченко Д. Л. Мемы как форма иллюстрации в науке и образовании / Л. В. Цаценко, Д. Л. Савиченко// Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015 г. – № 114. – С. 582 – 591.
15. Ягодкина М. В. Мемы в интернет-коммуникации/ М. В. Ягодкина // ART LOGOS. – 2019. – № 2. – С. 142–152.

The article considers the possibility of using scientific memes in the educational process. Based on the analysis of the results of the experimental lessons in the 7th and 10th grades of schools, the author substantiates the educational potential of using the memes in classes in the educational institutions. The article reveals the specifics of using the memes in the lessons in different classes.

Keywords: *the scientific meme, the educational process, the general education school, Runet, modernization.*

УДК 316.346.32 - 053.6

В. И. Цирульник, Д. А. Никонова

Социальная активность современной молодежи

В статье рассматриваются проблемы социальной активности молодежи в современном российском обществе. Определяются методы ее повышения.

Проанализированы ключевые функции социальной активности молодежи, а также определены актуальные проблемы в данной сфере. Авторами выработаны рекомендации, которые позволяют повысить уровень социальной активности молодёжи в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальная активность, молодежь, институты гражданского общества, волонтерство.

Актуальность. Социальная активность относится к категориям, которые постоянно совершенствуются, меняются с развитием общества. От уровня социальной активности граждан зависит развитие общества, поэтому нужны новые, соответствующие современным условиям научно обоснованные подходы к совершенствованию процесса формирования активности в современных условиях, с обобщением при этом уже имеющегося опыта.

Анализ теоретических взглядов в России на понятие «социальная активность», противоречие между потребностью в сознательном гражданине и уровнем сформированности его активной социальной позиции дает основание трактовать социальную активность как личностное качество, которое через творческую и осознанную деятельность удовлетворяет как собственные, так и общественные потребности, обеспечивая развитие об-

щества и осознание себя в нем. По нашему мнению, формирование активной социальной позиции личности подрастающего поколения будет способствовать более гармоничному функционированию социума, в котором отдельная личность сможет достичь наиболее полной самореализации, преобразуя себя и общество в целом.

Целью исследования является теоретическое обоснование особенностей социальной активности молодежи и разработка рекомендаций по повышению уровня социальной активности молодежи в современных условиях.

Для начала стоит отметить, что социальная активность порой неразрывно связана с такими понятиями, как деятельность, общение, социальная ответственность, жизненная позиция, социальная адаптация, социализация и тому подобное.

А. Беспалько определяет социальную активность как динамическое образова-

ние, субъектом-носителем её выступает человек, который через систему связей с окружающей социальной средой в процессе познания, деятельности и общения осуществляет ее развитие. Исследовательница указывает на разнообразие проявления и зависимость социальной активности от соотношения между социальными обязанностями личности в общественно значимой деятельности и субъективными установками на деятельность. Социальная активность, по мнению А. Беспалько, проявляется в способности сознательного приспособления к внешней среде, а также его целенаправленного изменения. В повседневной жизни социальная активность проявляется в виде деятельности в организации и координации активности индивидов, в освоении ими внешней среды [1, с. 12].

В. Косовец социальную активность понимает как устойчивое личностное образование, характеризующее молодого человека как социальное существо, имеющее четкую личностную направленность, свою позицию, обладающую мировоззрением как системой знаний и убеждений, взаимодействующей с окружающим миром; одновременно это и процесс социальной деятельности, которая характеризуется интенсивностью, качеством, новизной, креативностью, успехом, смысловым наполнением и может происходить при определенных условиях и в определенных ситуациях [2, с. 3].

Итак, указанное выше позволяет утверждать, что понятие «социальная активность личности» рассматривают как явление, состояние, форму деятельности, образования личности, а также как ее отношение к различным сферам жизнедеятельности общества.

Социальную активность определяют, с одной стороны, осознанием и принятием интересов общества и определенных сообществ, а с другой, готовностью и умением реализовывать эти интересы, активной деятельностью самостоятельного субъекта.

Определяющие показатели социальной активности: проявление инициати-

вы, самостоятельность, независимость, уважение к различиям, эмпатия, рефлексия, коммуникабельность, критичность, гражданственность, патриотизм, характеризующие такие важные признаки, как сильное и устойчивое стремление личности осуществлять влияние на социальные процессы, действенное участие в общественных делах. В одних случаях, с целью изменить, а в других, наоборот, чтобы сохранить, укрепить существующий социальный строй, его формы и элементы.

Говоря о социальной активности молодежи, нельзя не коснуться темы волонтерства.

Исследуя волонтерское движение невозможно обойти тему мотивации волонтеров. Для одних волонтерство - это пространство для самореализации. Для других – это способ получить новый опыт, завязать полезные знакомства, встретить новых друзей. Для третьих – начало профессиональной карьеры или возможность усовершенствовать профессиональные навыки. Для четвертых – инструмент общественных преобразований и изменений. Перечень можно варьировать. Существуют еще так называемые эмоциональные выгоды от волонтерства – когда человек помогает другим, чтобы сделать этот мир чуточку лучшим, а самому стать благороднее.

В России проводится ряд конкурсов, на которых оцениваются старания волонтеров. Например, Всероссийский конкурс «Добровольец России-2020», который является ключевым конкурсом добровольческих проектов, направленным на выявление и поддержку лидеров и их инициатив. Конкурс – это возможность выйти на новый уровень развития, найти единомышленников и партнеров, тиражировать свой проект.

Все полученные заявки подробно изучает экспертная комиссия, которая отбирает претендентов в следующий тур. Во втором туре кандидаты должны подготовить небольшие рассказы-презентации о своей волонтерской деятельности. Все эти работы оцениваются членами жюри, которые выбирают трех победителей в каждой

номинации. Лучшие волонтерские истории обнародуются на сайте. Определить победителей помогают отзывы рекомандантов, также имеет значение творческий подход кандидата к презентации своей волонтерской истории, его личностный вклад в развитие общества.

Подобные конкурсы проводятся регулярно в западноевропейских странах и свидетельствуют о зрелости гражданского общества.

Следует отметить, что ни один из методов социальной работы не является универсальным. Поэтому конечный результат работы социального работника находится в прямой зависимости от удачно разработанной методики решения проблемы и его умения использовать тот или иной метод работы.

Важным вопросом в теме волонтерства является осведомленность населения о деятельности волонтерских организаций и установление доверия к ним.

Для развития волонтерства на государственном уровне институты исполнительной власти должны способствовать созданию информационных сюжетов по освещению лучших волонтерских практик в формате социальной рекламы, журналистских расследований, отдельных тематических программ.

Анализ социальной активности молодежи дает возможность определить технологию ее дальнейшего формирования.

Целью предлагаемой технологии является внедрение форм и методов работы с молодежью в деятельность институтов гражданского общества для формирования социальной активности молодежи.

Реализация названной цели конкретизируется в следующих задачах:

- создание благоприятных условий для мотивации молодежи к постоянному участию в деятельности институтов гражданского общества;
- обеспечение овладения молодыми людьми системой знаний и опытом деятельности институтов гражданского общества;
- формирование сознательной общественно-политической компетентности молодежи.

Общественно-политическая деятельность институтов гражданского общества направлена на формирование базовых компетенций в сферах общественной и политической деятельности. Среди основных форм данного направления мы выделили форумы.

Форум (имеется в виду форум знаний, имеющий образовательные функции) находится на пересечении образования, в смысле имеющихся учебных программ, обеспечивающих овладение компетенций в сфере общественно-политической деятельности. Основной задачей является запуск процесса «от идеи к действию», то есть конвертирование накопленных знаний и компетенций в конкретные практические общественные действия. По сути, эту функцию выполняют отдельные тренинги, но форум, в данном контексте, предназначен для большей группы - как участников и участниц, так и тренеров, экспертов.

Примером может быть форум «Фестиваль активного гражданства» с программой лекций и мастер-классов. Его цель – предоставить как можно большему количеству людей конкретные знания, необходимые предприимчивому социально активному гражданину. После такого фестиваля его участники должны проводить в большем количестве общественные акции, разрабатывать собственные общественные проекты. Сама массовость мероприятия может играть двойную роль. С одной стороны, это вызов для качества учебных сессий и устойчивости учебного эффекта. С другой, визуализация количества потенциально активных граждан предоставляет ощущение уверенности в том, что они участвуют в нужном деле и усиливает их мотивацию на пути перехода от идей к действиям.

Волонтерская благотворительная деятельность институтов гражданского общества в работе с молодежью с целью формирования социальной активности проявляется в форме социальной опеки и защиты, социального сопровождения молодежи.

Направления социальной опеки и защиты: поддержка наименее защищенных категорий детей и молодежи, содействие развитию творческих способностей молодых

инвалидов; социальная помощь молодым семьям; социальная работа с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки; социальная помощь одиноким матерям, неполным семьям, многодетным семьям; помощь в решении социальных проблем учащейся и студенческой молодежи. Можно организовывать концерты, конкурсы, соревнования, ярмарки, создавать разнообразные клубы по интересам, проводить благотворительные акции, вечера.

Социальное сопровождение молодежи, помощь ее интеграции в общество: содействие самовоспитанию, самоопределению и самосовершенствованию детей и молодежи; формирование и развитие качеств личности; социальная поддержка безработной молодежи, содействие в трудоустройстве; развитие и поддержка одаренных детей и подростков; организация содержательного досуга детей и молодежи как путь профилактики детской безнадзорности и правонарушений. В этом направлении можно организовывать соревнования, олимпиады, походы, экскурсии, конкурсы творческих работ, тематические дни, костры, праздники, ярмарки, что будет привлекать молодежь и подростков к различным кружкам и секциям.

Образовательно-научная деятельность институтов гражданского общества в направлении формирования социальной активности молодежи предусматривает следующие формы: мастерские, тренинги, семинары, спецкурсы в учреждениях высшего образования. Важной формой работы, в контексте образовательно-научной деятельности институтов граждан-

ского общества, можно считать разработку и введение спецкурсов в учреждениях высшего образования по вопросам гражданского сознания, развития общественной и социальной активности молодежи. В них, используя методы неформального образования, студенты будут иметь возможность узнать о деятельности общественных организаций и благотворительных фондов, о молодежных проектах, а также о работе молодежных центров и молодежных советов, понять особенности и актуальность их деятельности. Тем самым, такой спецкурс стал бы важным мотивирующим фактором на пути вовлеченности молодежи в деятельность институтов гражданского общества и развития их социальной активности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Представленные методы, формы, инструменты работы с молодежью могут быть использованы в деятельности общественных организаций, молодежных центрах, молодежных советах, благотворительных фондах и т.п., при этом они отражают технологии формирования социальной активности молодежи в институтах гражданского общества. Важным представляется выделение определенных сфер актуализации формирования социальной активности, в частности: проектная, общественно-политическая, волонтерская, благотворительная, образовательно-научная деятельность, молодежная политика.

Перспективным для дальнейших исследований видится учет мотивационной сферы при формировании социальной активности учащейся молодежи.

1. Беспалько А. В. Развитие социальной активности личности в детском объединении / В. Беспалько // Вестн. психологии и педагогики: сб. науч. тр. – 2012. – Вып. 8. – С. 12–15.

2. Косовец В. И. Развитие социальной активности молодежи в условиях социокультурной среды села: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.05 – Социальная педагогика / Василий Иванович Косовец. – М., 2016. – 23 с.

The article deals with the problems of the social activity of the young people in the modern Russian society. The methods of its improvement are determined.

The key functions of the social activity of the young people are analyzed, as well as actual problems in this area are identified. The authors have developed the recommendations that will increase the level of the social activity of the young people in the modern Russian society.

Keywords: *the social activity, the youth, the civil society institutions, the volunteering.*

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Э. О. Кранк

Иванов и другие: апофатика героического в драматургии А. Чехова

Статья посвящена проблеме героического в драматургии А. Чехова. Выдвигается тезис о том, что в своих произведениях А. Чехов утверждает апофатику героического, низводя героя драматического произведения до уровня персонажа. Проблема характера перестает быть актуальной, уступая место экзистенциальной проблематике как наиболее адекватной культуре XX столетия.

Ключевые слова: герой драматического произведения, персонаж, апофатика героического, пафос, «серебряный век».

Актуальность статьи продиктована аналитикой в адрес произведений А. Чехова как представителя русской классики и зачинателя новых законов в мировой драматургии. Главной проблемой работы является проблема понимания героического в культуре конца XIX–XX вв. В практическом отношении статья может способствовать более адекватным сценическим интерпретациям чеховских пьес.

Если **объектом** исследования является мастерство Чехова-драматурга, то **предмет** изучения – это именно проблема героя в драматических произведениях писателя. Мы полагаем, что утверждение апофатичности в отношении к героическому началу в драматургии, выраженное в произведениях писателя, представляется новаторским, прежде всего в том отношении, в каком представлена последующая утрата героического в культуре XX столетия и в новейшее время. В этом

состоит цель статьи, и отсюда могут проистекать далеко идущие выводы в отношении к проблеме гуманизма в современной эпохе.

Оценки творчества Чехова-драматурга носили и носят амбивалентный характер. Первая постановка «Чайки» в 1896 г. в Александринском театре провалилась, тогда как триумфальная постановка пьесы положила начало расцвету Московского художественного театра.

Негативное отношение в оценке драматургии А. Чехова было свойственно Л. Толстому, который не принимал драматургии Чехова, восхищаясь при этом его стилистическим мастерством в прозе [3, с. 3]. Толстому вторил И. Бунин: «Чехова за то очень многое, истинно прекрасное, что дал он, причисляю к самым замечательным русским писателям, но пьес его не люблю, мне тут даже неловко за него...» [2]. Н. Михайловский в

известной статье упрекал Чехова в «беспринципности» [9]. Характерно также название публикации Л. Шестова о Чехове: «Творчество из ничего» [16]. Наследие Чехова не принимали ни Ахматова [7, с. 46-54], ни Цветаева [13], ни Мандельштам [8]. А. Кушнер посвятил проблеме восприятия Чехова статью также с весьма «говорящим» названием: «Почему они не любили Чехова?» [5], имея в виду прежде всего представителей «серебряного века» русской литературы. Из работ последнего времени имеет смысл упомянуть эссе С. Лишаева «Отрешенность и вовлеченность» [6], посвященное проблеме это-са в произведениях А. Чехова, и статью А. Степанова «Бродский о Чехове» [11], в которой отражено довольно парадоксальное отношение выдающегося поэта к нашему автору.

Проблема этих амбивалентных характеристик заключается, на наш взгляд, в том, что пафос Чехова лишен патетичности; реплики героев декларативно-ригористической окраски - есть выражение патетичности персонажей (и, как правило, патетичности ложной), но не самого автора. Патетика сведена к сфере контекста, и этот контекстный (собственно, *затекстный*) пафос определяет специфику его произведений, особенно драматического рода. Это то, что авторы 4-го тома академического издания «История русской литературы» определяют как «подводное течение» [4, с. 226]. Понятия «пафос» и «подводное течение» если и сочетаются, то довольно оксюморонически, парадоксально. Эта парадоксальность идет от отрицания героического в принципе. Героев как таковых в чеховских произведениях нет; у Чехова не «герои», не «носители героического», а *персонажи*. Персонажи, в отсутствие героев, которое есть следствие отсутствия (неактуальности) героического начала, порождают по отношению к себе иронию (или порождены ею). Из шести «полноформатных» законченных пьес лишь одна определена как собственно драма («Иванов»), остальные — комедии. Жанровое определение «Дяди Вани», уклончиво обозначенное как «сцены из деревенской

жизни», не должно вводить в заблуждение: и это — комедия. Недостаточность эмпатии, отвлеченность-отстраненность в отношении персонажей переводят дискурс о них в русло сочувственной толерантности.

Драматургическое новаторство писателя манифестационно выражено в известной фразе: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, просто обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» [15, т. 12, с. 316]. Заметим, что эта фраза приписана Чехову мемуаристом, и в подлинности и аутентичности ее можно усомниться. Между тем, будучи довольно эффектной формулой, предваряющей экзистенциальный театр, подобная установка содержит в себе тот парадокс, что «жизни и счастья» у персонажей нет, что, по крайней мере, в сценической реальности, они ведут довольно косвенный образ жизни в отношении к себе самим. За исключением героев первых пьес: Платонова и Иванова. Покажем утрату героического начала в «Иванове».

Выбор имени героя уже довольно парадоксален, слишком распространено это имя (фамилия), которое изначально закладывает парадоксальную ситуацию, когда герой, «личность исключительная по преимуществу», мыслится, напротив, как одна из множества себе подобных, т.е. как некто заурядный. По воспоминаниям В. Г. Короленко, Чехов сообщал ему: «Я действительно пишу и непременно напишу драму, — сказал он [Чехов. — Э. К.]. — «Иван Иванович Иванов»... Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой» [1, с. 143]. В обеих редакциях пьесы героя зовут Николаем Алексеевичем, а не Иваном Ивановичем, что, однако, вовсе не отменяет того способа типизации, когда имя героя может читаться как «некто имярек». Кроме того, Ивановых у Чехова не один, а два: в первой редакции драмы и во второй. Разница между этими характерами-персонажами небольшая. В сюжетно-фактологическом плане она заключена в том, что если в окончательной

редакции пьесы смерть Иванова вызвана самоубийством (довольно доказательная смерть, с психолого-соматической точки зрения), то в первой редакции он умирает от оскорбления.

На тексте цензурированного машинописного оттиска (октябрь 1887 г.) значится: «Иванов. Комедия в четырех действиях и пяти картинах. Слово «комедия» переправлено позднее в цензуре на «драма», в соответствии с подзаголовком окончательной редакции пьесы» [15, т. 11, с. 409]. Комедийность как свойство, характеризующее жанровый антураж характера героя, утверждается самим персонажем: «...по-моему, эта психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха и больше ничего! – провозглашает Иванов. – Надо бы хохотать до упаду над моими кривляньями...» [15, т. 12, с. 58].

Герой, согласно романтической традиции, должен быть исключителен по определению. Исключительность Иванова заключена в том, что он лишен способности ненавидеть. Так, к навязчивому Львову герой не испытывает ни ненависти, ни даже отвращения, он мирится с его присутствием и отповедями в свой адрес, которые столь беспардонны и отвратительны, что вывели бы из себя кого угодно. И публичное оскорбление в развязке пьесы – «подлец» – он принимает (или не принимает, т.е. умирает от него) как нечто от него, Иванова, не зависящее.

При всей поверхностной схожести характеров Платонова и Иванова разница между ними состоит в том, что если Платонов злословит и «обличает», то Иванов к своему окружению и внешним обстоятельствам *равнодушно-благодарен*, во всяком случае, в качестве основной своей черты в отношении к «среде» он называет *благодарение*: «Ей-богу, я был только благодарен, и больше ничего! Больше ничего!» [15, т. 12, с. 59]. Благодарение, лишённое враждебности и агрессии, совестливости и производную от этих черт требовательность к себе в диалоге с Львовым отмечает и Анна Петровна: «Зверинец [окружения. – Э. К.] он оставлял в покое, а когда, бы-

вало, возмущался, то я от него только и слышала: «Ах, как я был несправедлив сегодня!» или: «Анюта, жаль мне этого человека!..»» [15, т. 12, с. 40]. Благодарение это, вполне возможно, восходит к Пушкину: самый отвратительный порок – неблагодарность [10].

Правда, это благосклонное благодарение к внешнему миру свойственно тому Иванову, каким он представлен в предыстории пьесы, но не тому, каким он является непосредственно в ней. Его самохарактеристика в VII явлении IV действия утверждает его сходство с Платоновым: «Я резок, свиреп, но, прости, злоба душист меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгал, не клеветал на жизнь, но, ставши брюзгой, я, против воли, сам того не замечая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякий, слушая меня, заражается отвращением к жизни и тоже начинает клеветать» [15, т. 12, с. 71]. Читатель-зритель должен воспринимать эту «предысторийную» характеристику Иванова на веру, что, вообще говоря, лишает характер той убедительности, на какую он мог бы претендовать.

Второе качество, характеризующее Иванова как «героя времени», – это чувство вины по поводу неисполненного долга. «Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десяти-рых, сражался с мельницами, бился лбом о стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу...» и далее [15, т. 12, с. 74]. Следует говорить о деонтологии Иванова. В чем же она состоит? В настоятельной необходимости изменить действительность. Однако количество и весомость проблем, которые необходимо разрешить, чтобы изменить жизнь, столь велики, что человек испытывает надрыв уже от одного осознания такой немислимой ноши.

Эта деонтология обязывает в той же степени, по Иванову, в какой человек должен *понимать самого себя*, насколько он должен быть адекватен себе. Главный порок, в котором Саша и Иванов упрекают Львова, состоит не в его узости и туповатой прямолинейности, а в том,

что честность Львова, будучи некритической, есть ее противоположность, и причиной тому – непонимание Львовым самого себя. Последний монолог Саши (собственно говоря, последняя значимая реплика пьесы) посвящена именно этому: «Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это весь свет знает. Вы лучше скажите мне по чистой совести: *понимаете ли вы себя или нет!*» [15, т. 12, с. 76].

В пьесе мы имеем две деонтологии, два понятия об этической правде. Заметим, что Львов упрекает Иванова не столько в его бессердечии, сколько в том влиянии, какое тот оказывает на молодого врача: «А кто вас уполномочивал оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. <...> Я уважал и любил людей, но когда увидел вас...» [15, т. 12, с. 56]. Реплика незавершена не столько потому, что Иванов перебивает Львова, сколько из не необходимости риторического повторения. Поэтому, как отмечает Л. Шестов, «...все же перед ним, а не перед Львовым склоняется общественное мнение. Иванов – дух разрушения, грубый, резкий, безжалостный, ни перед чем не останавливающийся. А слово “подлец”, которое с мучительным усилием вырывает из себя и посылает ему доктор, к нему не пристаёт. Он [Иванов. – Э. К.] как-то прав своей особенной, никому непонятной, но бесспорной, если верить Чехову, правотой» [16].

Воздействие Иванова на окружающих не ограничивается смертью Анны Петровны, героической самоотверженностью Саши (исключая эпизод ее сомнения в правильности решения о замужестве с Ивановым в IV явлении последнего действия). Этому влиянию в серьезной степени подвержены и граф Шабельский, который склоняется к мезальянсу с Бабакиной под воздействием мезальянса Иванова и Сашей: «Все подлы, и я буду подл» [15, т. 12, с. 67]. Лебедев под влиянием Иванова перестал понимать самого себя: «Сколько ты напустил туману в нашу жизнь, что я точно в кунсткамере живу: гляжу и ничего не понимаю...» [15, т. 12, с. 71]. Огромно влияние Иванова на Сарру (Анну Петровну), которая отре-

клась от своего еврейства и обеспеченного существования, выйдя за Иванова замуж.

Деонтология Иванова, напряженность которой состоит в остром чувстве личной ответственности и остром критическом внимании к себе как личности, заразительна именно потому, что всё окружение Иванова настроено на деятельностную экспансию, с одной стороны, и глубину психологической интенсивности – с другой. Иванов именно и воплощает эти ожидания экстенсивного и интенсивного свойства, хотя следует уточнить, что экстенсивность Иванова в ее деятельностном плане явлена лишь косвенным образом: он лишь глухо упоминает о чем-то, связанном с педагогической и хозяйственной деятельностью. Именно в угоду этому требованию времени – разрешать социальные проблемы, максимально отдавая себе отчет в своей личной психологии, оставаясь при этом собой самим, Иванов и оказывается между Сциллой и Харибдой внутреннего развития и способности к изменению внешних обстоятельств. Невозможность справиться с внешней ношей ведет к усугублению индивидуальной рефлексии, к пониманию безнадежности и бессмысленности существования. Очень пронизателен в этом отношении Л. Шестов: «...у разбитого человека обыкновенно отнимается все, кроме способности сознавать и чувствовать свое положение» и далее [16].

Иванов – единственный полноправный герой в Чеховской драматургии, но герой во всех отношениях странный и парадоксальный. Любимый женщинами и почитаемый среди своего окружения как человек с какими-то особыми дарованиями, он все-таки остается для нас загадкой – о каких таких дарованиях идет речь, если он не способен к поступку, к действию. «Иванов» не только драма уставшего человека, это драма утраты героического.

«Героическое», таким образом, свойственно лишь ранней молодости, но оно утопично и как таковое оправдано возрастом. Потом же оно исчезает, как

с доктором Старцевым («Ионыч»). Так, Сашенька в «Иванове» довольно убедительна как *героиня* (кроме, пожалуй, четвертого действия). Убедительна ее отповедь, обращенная к «молодым людям» и завершающаяся восклицанием: «Ах, господа! Все вы не то, не то, не то!.. На вас глядя мухи мрут и лампы начинают коптеть...» [15, т. 12, с. 29-30].

Одной из наиболее трагедийных проблем жизни человека Чехов считает именно то, что с возрастом человек утрачивает верность этому героическому началу (д-р Старцев, Рагин, «Крыжовник» и пр.), этому героическому ореолу молодости, на смену которому приходит трезвость и смиренная тоска. Однако если героическое оправдывается молодостью и неопытностью, а негероически-бытовое – трезвостью и пониманием тщетности усилий по переделке жизни, то должна же существовать некая истина, объединяющая два этих начала в жизни человека, то, что Толстой называл «содержанием»: «Чехов, как Пушкин, двинул вперед форму. И это большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, [у Чехова. – Э.К.] нет» [12, с. 191].

Речь идет о некоей истине о человеке, которая лежит в основе чеховского гуманизма и которая пронизывает собою пафос драматургии писателя. Если нет героя, но есть понятие и переживание героического, если есть тоска по нему, то не сама же тоска по героическому составляет пафос и смысл чеховских драм; должен существовать некий референт в том гуманистическом дискурсе, которому посвящена чеховская драматургия. В чем же состоит этот референт?

Нам представляется, что отсутствие героического в пьесах Чехова есть следствие довольно своеобразного отношения к людям, ему свойственного. Собственно говоря, единственным героем его произведений является он сам, «выдавливавший по капле из себя раба», утверждавший фантастическую реальность в «Палате № 6», где дана открытая полемика с Ф. Ницше. «Раб» есть аберрация ницшеанского понятия «последний человек», это стадный человек.

Существо, выдавившее из себя раба, есть в этом ключе аберрация «сверхчеловека». Мы не утверждаем, что Чехов – ницшеанец по преимуществу, но атмосфера духовного аристократизма, овевающая личность Чехова, не могла не быть им инициирована. С этой своей сверхчеловеческой высоты, усугубленным врачебным знанием о человеческих странностях, болезнях и пороках, а также в немалой степени осознанием предрешенности собственной жизни (туберкулез), – Чехов иронизирует над своими персонажами, но иронизирует *милосердно*. При таком раскладе ни один из них не может подняться до ступени героического самоотвержения. Герой есть всегда жертва, но самое важное заключается в том, что эти жертвы не нужны, не необходимы. Жертвовать чем-либо или кем-либо (собой в том числе) во имя чего-то или кого-то – есть нечто ложное. Ложной является жертва Войницкого и Сони в пользу бездарного Серебрякова. Ложной (не необходимой и потому бессмысленной) представляется жертва Ирины, давшей согласие нелюбимому Тузенбаху выйти за него замуж, и только внезапная смерть последнего на дуэли не дает осуществиться этому жертвоприношению. Жертвует своей любовью к Треплеву Маша Шамраева, выйдя замуж за несчастного Медведенко и т.д., и т.п. Жертвенность, собственного говоря, является лейтмотивом всех драм Чехова: в «Чайке» жертвами являются Нина и Константин – оба они вариации чайки, убитой Треплевым, оба – жертвы мира Аркадиной и Тригорина. Наконец, особого рода жертвенность у чеховских персонажей – это жертвенность во имя будущего, что так навязчиво звучит в репликах Вершинина в «Трех сестрах», Астрова в «Дяде Вани», Трофимова и Ани [15, т. 12, с. 222, 227-228, 244], у Ани – особенно в конце 3-его действия [15, т. 12, с. 241], жертва Веры; сам Вишневый сад как символ уходящей жизни приносится в жертву будущему.

Это загадочное будущее представлено во всех четырех «комедиях», но представлено оно риторически-декламационными

способами: «мы увидим небо в алмазах» (Соня в «Дяде Ване»); Вершинин твердит о будущем, для которого персонажи «Трех сестер» и весь современный им мир – только материал для грядущего счастья, только жертва ему. Аня и Трофимов также говорят о «светлом будущем», но оба эти персонажи не в силах приблизить его, разве что невольно содействуя продаже вишневого сада, который исчезает практически на глазах у читателя-зрителя. Для будущего живут Астров и Войницкий, они еще не стары и деятельны, но их пессимизм в отношении самих себя очевиден и неизбежен: это светлое будущее не для них. Интересно, правда, вот что: если

будущее в «Чайке» пусть не конкретно, но довольно ощутимо, соотносено с будущим Нины Заречной, о чем говорит она при последнем свидании с Трепловым, то в «Трех сестрах», «Дяде Ване» и «Вишневом саде» оно довлеет как навязчивая идея возможной «правильной» жизни, которая находится за временными пределами действия пьес. В этом плане имеет смысл видеть в этом еще один (наряду с апофатикой героического, тотальной толерантной иронией, ложной в своей ненужности жертвенности) жанрообразующий момент, характеризующий своеобразие чеховской драматургии.

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников / [Сост., подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович; Вступ. ст., с. 5–24, А. М. Туркова]. – М. : Худож. лит., 1986. – 734, [1] с., [9] л. им.; 21 см. – (Сер. лит. мемуаров).

2. Бунин, И. А. О Чехове: Незаконч. рукоп. / И.А. Бунин. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. – 412, [2] с. – Текст : электронный. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=47978&p=1> (дата обращения 28.06.2021).

3. Громов, М. П. Книга о Чехове / Михаил Громов. – Москва : Современник, 1989. – 384 с. – (Б-ка «Любителям рос. Словесности»).

4. История русской литературы: в 4 т. Т. 4. Литература конца XIX - начала XX века (1881-1917) / ред. К. Д. Муратова. – Ленинград : Наука, 1987. – 782 с.

5. Кушнер, А. Почему они не любили Чехова? / А. Кушнер // Звезда. – 2002. – № 11. – Текст : электронный. – URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/11/kush.html> (дата обращения 28.06.2021).

6. Лишаев, С. Отрешенность и вовлеченность / С. А. Лишаев // Нева. – 2010. – № 10. – Текст : электронный. – URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/9/li9.html> (дата обращения 28.06.2021).

7. Лосиевский И. Чехов и Ахматова: история одной «невстречи» / Лосиевский И. // Серебряный век. – Киев, 1994. – С. 46–54. – Текст : электронный. – URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/losievskij-chehov-i-ahmatova.htm> (дата обращения 28.06.2021).

8. Мандельштам О. Э. Набросок статьи о Чехове / О.Э. Мандельштам. – Текст : электронный. – URL: http://dugward.ru/library/mandelshtam/mandelshtam_o_chehove.html (дата обращения 28.06.2021).

9. Михайловский Н. К. Об отцах и детях и г-не Чехове. – Н.К. Михайловский. – Текст : электронный. – URL: <http://iknigi.net/avtor-nikolay-mihaylovskiy/45331-ob-otcah-i-detyah-i-o-g-ne-chehove-nikolay-mihaylovskiy.html> (дата обращения 28.06.2021).

10. Пушкин А. С. Письмо А.С. Пушкина К.Ф. Рылееву от 25 января 1825 / А. С. Пушкин. – Текст : электронный. – URL: <http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=31&part=1&sub=9> (дата обращения 28.06.2021).

11. Степанов, А. Бродский о Чехове: отвращение, соревнование, сходство / А. Степанов // Звезда. – 2004. – № 1. – Текст : электронный. – URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/1/step17.html> (дата обращения 28.06.2021).

12. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений. Репринтное воспр. изд. 1928-1958 гг. Т. 54 : [Дневник, записные книжки и отдельные записи, 1900-1903] / Л. Н. Толстой ; ред. и авт. предисл. К. С. Шохор-Троцкий]. – Москва : Изд. центр «Тerra», 1992. – XIII, 751, [3] с., [6] л. портр.

13. Цветаева, М. И. Письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 1 июля 1926 г. / М. И. Цветаева. – Текст : электронный. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/letter-188.htm> (дата обращения 28.06.2021).

14. Чехов А. П. Письмо Д.В. Григоровича А.П. Чехову от 25 марта 1886 г. / А. П. Чехов. – Текст : электронный. – URL: <http://poesias.ru/letters/chehov-anton-p-perepiska/pismo-10115.shtml> (дата обращения 28.06.2021).

15. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Наука, 1974–1983.

16. Шестов, Л. Творчество из ничего (А. П. Чехов) / Л. Шестов. – Текст : электронный. – URL: <http://www.vchi.net/shestov/chekhov.html> (дата обращения 28.06.2021).

The article is devoted to the problem of the heroic in the drama of A. Chekhov. The thesis is put forward that the apophaticism of the heroic in A. Chekhov's asserts, reducing the hero of the dramatic work to the level of the character. The problem of the character ceases to be relevant, giving the way to the existential problems as the most adequate culture of the twentieth century.

Keywords: *the hero of the dramatic work, the character, the apophatic of the heroic, the pathos, "the Silver Age".*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).073.5

А. Е. Лобков

Воспоминания саксонского врача Ф. С. Гойдтнера о русской медицинской службе в Крымскую войну

В статье рассматриваются воспоминания саксонского врача Франца Сигизмунда Гойдтнера, служившего с февраля по июнь 1855 года в военно-сухопутном госпитале на Северной стороне Севастополя. История участия американских и немецких врачей в Крымской войне остается слабоизученной. Скучность отечественных источников по данной теме может быть в значительной степени восполнена свидетельствами самих иностранных врачей, среди которых книжечка Гойдтнера «Четыре месяца в Севастополе» занимает важное место. Из воспоминаний, написанных сразу по возвращении немецкого врача на родину, можно узнать такие ценные сведения, как условия набора медиков на русскую службу, имена врачей и их распределение по госпиталям, особенности медицинской службы и быта врачей в Севастополе, а также личные впечатления от пребывания в России.

Ключевые слова: Франц Сигизмунд Гойдтнер, оборона Севастополя, Крымская война, немецкие врачи, история медицинских взаимоотношений, русская военно-медицинская служба.

Воспоминания занимают важное место среди источников, помогающих реконструировать события Крымской войны 1853–1856 гг. В исторической литературе о Крымской войне представлено немало воспоминаний, авторы которых являлись непосредственными участниками описываемых событий. Ряд таких воспоминаний оставлен отечественными медиками (Н. И. Пирогов, Х. Я. Гюббенет, Алексеев, А. В. Вышеславский, С. И. Гауровиц, А. А. Генрици, Ф. В. Земан, Г. Я. Ульрихсон, Н. Д-в, И. Л-ский и др.). Однако источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания), принадлежавшие

американским и немецким врачам, принятых в годы войны на русскую службу продолжают оставаться малоизвестными и недостаточно изученными. Этим определяется **актуальность** исследования.

Объектом исследования является русская медицинская службы периода Крымской войны, а **предметом** – воспоминания саксонского врача Франца Сигизмунда Гойдтнера о своей службе в России во время войны.

Целью статьи является введение в круг источников по истории медицинской службы периода Крымской войны неизвестных документов личного происхождения, авторами которых являются

иностранные медики. К основным **задачам** исследования относятся раскрытие потенциала воспоминаний Гойдтнера как исторического источника и воссоздание контекста приводимых им сведений, оценок событий и личных впечатлений.

Изложение основного материала. Биографические сведения, которые удалось собрать о Франце Сигизмунде Гойдтнере (Franz Sigismund Geudtner, 1810–1873), немногочисленны. Он родился в саксонском городке Гроссенхайн (Grossenhain). Медицинскую деятельность начал военным врачом в Магдебурге. Затем, очевидно, уволился со службы, и продолжил медицинское образование. 21 октября 1837 г. Гойдтнер защитил на медицинском факультете Йенского университета диссертацию «О родильной горячке» и был утвержден в степени доктора медицины и хирургии [11]. Затем он работал практикующим и судебным врачом в городке Риза (Riesa), расположенном неподалеку от его родного города. В начале января 1855 г. Гойдтнер заключил в Берлине контракт на службу военным врачом в русской армии, служил с середины февраля по начало июня 1855 г. в военно-сухопутном госпитале на Северной стороне Севастополя и уже в начале июля того же года вернулся домой, проведя тем самым в общей сложности около полугода в Российской империи. В ноябре 1855 г. газета «Лейпцигер цайтунг» известила о выходе шестнадцатистраничной книжечки Гойдтнера «Четыре месяца в Севастополе» («Vier Monate in Sebastopol»), содержащей описание поездки и впечатления саксонского доктора от пребывания в осажденной крепости [14, S. 6564]. По возвращении из России Гойдтнер продолжил работать судебным врачом в г. Ризе и скончался в возрасте «63 лет 3 месяцев и 8 дней» [13, S. 209].

Книжечка Гойдтнера «Четыре месяца в Севастополе» представляют редкий, а потому ценный, источник по истории участия немецких врачей в Крымской войне. Из его воспоминаний можно почерпнуть ряд ценных сведений касательно набора немецких медиков на русскую службу, имен врачей и их государствен-

ной принадлежности, особенностей пути до места назначений, распределения по госпиталям, медицинской службы и быта врачей в Севастополе, а также познакомиться с личными впечатлениями саксонского медика от пребывания в России.

В конце декабря 1854 г. Гойдтнер узнал от знакомого ему надворного советника Беха о том, что русское правительство проводит набор врачей на военную службу. В принципе, о таком наборе было известно уже с начала Крымской войны, однако иностранные врачи не торопились поступать на военно-медицинскую службу, так как зачисление происходило на «общих основаниях» с русскими врачами [4, с. 395]. Чтобы увеличить число военных врачей, в которых в армии была острая необходимость, император подписал 11 ноября 1854 г. указ, позволявший принимать иностранных врачей на контрактной основе [7, с. 275]. После этого в газетах различных немецких государств стали появляться извещения о наборе врачей и образцы стандартного контракта, который врачам предлагалось заключить в российском посольстве в Берлине. Вполне вероятно, что Гойдтнер познакомился с образцом такого контракта по публикации в медицинской газете «Алгемайне медицинише централ-цайтунг» от 30 декабря 1854 г. [10, Sp. 824.].

Служба по контракту была привлекательной. Гойдтнер пишет, что согласно договору «мне гарантировались свободный проезд в обе стороны, ежемесячный оклад в 120 рублей серебром, должность заведующего отделением с офицерским званием и право свободного увольнения со службы с уведомлением о предстоящей отставке за четыре недели» [12, S. 3].

Однако не только материальные причины подвигли 45-летнего врача, и так имевшего прочное положение и хороший заработок, принять приглашение российских властей. Были причины так сказать «романтического» характера, побудившие Гойдтнера после 17-летней практики в маленьком саксонском городке незамедлительно отправиться в поездку: «И поскольку я уже давно мечтал о Крыме и хотел принять участие в войне, особенно такой, как Крымская, где я сразу мог бы

пережить и осаду крепости, и сухопутные и морские битвы» [12, S. 3].

Гойдтнер заручился рекомендацией известного дрезденского медика Августа Вильгельма Геденуса (Hedenus, 1797–1862), с которой обратился в российскому миссию в Дрездене. Ее возглавлял чрезвычайный посланник и полномочный министр при Саксонском дворе, тайный советник Андрей Андреевич Шрёдер (von Schröder, 1780–1858), который, очевидно, удостоверившись в квалификации и благонадежности врача, направил его в императорскую российскую миссию в Берлин (Пруссия), где проходил прием на русскую службу. 5 января 1855 г. Гойдтнер прибыл в Берлин, где заключил контракт с генерал-майором графом Константином Константиновичем Бенкендорфом (von Benckendorff, 1817–1858), состоявшим при миссии военным советником.

Гойдтнер был в числе первых немецких врачей, поступивших на русскую службу. Вместе с ним контракт заключили также доктор Заар (Sahr) из Дрездена и баварский хирург Кляйн (Klein). Вечером 8 января в вагоне первого класса немецкие врачи отправились в Варшаву. Поездка по железной дороге из Берлина до Варшавы тогда занимала 26 часов. Медики разместились в варшавской гостинице «Лейпциг», а утром 10 января отправились на прием к генерал-лейтенанту Михаилу Ивановичу Соболеву (1788–1866), занимавшего тогда должность варшавского обер-полицмейстера: «Он принял нас очень дружелюбно и порадовал нас подарком в 100 рублей каждому для приобретения меховой шубы и пр., и для достойного проживания в Варшаве» [12, S. 4].

В Варшаве медики пробыли 8 дней. За это время к ним присоединились еще пять немецких врачей: Бенъямин Закс (Sachs) и Рудольф Бреннер (Brenner, 1821–1884) из Пруссии, Карл Август фон Шёнхуб (Schönhueb, 1818/20–1855) из Баварии, Йозеф Алоис Цуппингер (Zupringer) из Швейцарии и Штраусс (Strauß) из Кургессена. В шесть часов вечера 6 (18) января врачи «на четырех саних при 17 градусах мороза, обильно запасшиеся колбасой, ветчиной, мадерой, ромом и т. д., в шубах, меховых

сапогах, шапках и рукавицах, с шерстяными покрывалами и т. д.» в сопровождении казака отправились в путь [12, S. 4].

Дорога из Варшавы в Киев пролегла через Тересполь и Житомир. В час проехали 2 мили (около 15 км). 12 (24) января немецкие врачи прибыли в Киев и расположились на постоялом дворе «У минерального источника», где остановились на продолжительный отдых. (Очевидно, речь идет о гостинице при Заведении искусственных минеральных вод в дворцовой части Киева). Врачи осмотрели город, поразивший их многочисленными церквями и монастырями, сверкавшими золотом и серебром, и посетили Киевский университет, в котором в сопровождении профессора Александра Петровича Вальтера (Walter, 1818–1889), анатома и физиолога немецкого происхождения, познакомились с коллекциями и различными современными инструментами [12, S. 4–5].

14 (26) января врачи продолжили путь, пролежавший по бескрайним пустынным и заснеженным местностям. Особенно труден и мучителен был путь от Елисаветграда до Николаева. Однажды ночью в снежную бурю санный поезд сбил с дороги и лошади провалились по шею в глубокий снег, «мелкий снег проникал сквозь шубу и платье, холод все больше охватывал нас, ямщики шныряли в поисках дороги, коллега Заар натянул поверх шубы ночное платье, я укрыл голову и плечи овчиной и, сказав друг другу последнее прости, мы в молчании ожидали медленно, но уверенно подкрадывающейся смерти» [12, S. 5]. Отметим, что повествовательной манере Гойдтнера, как можно будет видеть и далее, присуща склонность к избыточной драматизации и обстоятельному описанию опасностей, с которыми ему довелось столкнуться.

Однако ямщикам удалось найти дорогу и доставить измученных медиков 19 (31) января 1855 г. в Николаев, «прекрасный город с регулярной застройкой на слиянии рек Буг и Ингулез» [12, S. 6]. Здесь доктора Заара свалил жесткий ревматизм и Гойдтнер получил разрешение у генерал-адъютанта Романа Ивановича Кнорринга (Knorring, 1803–1876), на которого

было возложено командование всеми войсками, дислоцированными в Николаеве, разрешения остаться с Зааром до его излечения. Но выздоровление задерживалось, поэтому Гойдтнер поместил больного коллегу в Морской госпиталь и 31 января (12 февраля) продолжил путь и вечером прибыл в Херсон, «очень красивый и примечательный город на Днепре перед его впадением в Черное море, со статуей Потемкина на том месте, где в 1787 г. стоял верстовой указатель с надписью “Путь на Стамбул”» [12, S. 6]. Статуя Потемкина, отлитая мастером В. Якимовым по проекту академика-скульптора И. П. Мартоса, была установлена в городском саду Херсона в 1836 г. Рисунок памятника и перечисление надписей на нем можно найти в октябрьском номере «Русской старины за 1875 г. [6, с. 267]. Если верить сведениям Гойдтнера, то статуя была поставлена на месте, где ранее стояла триумфальная арка с надписью по-гречески «Путь в Константинополь», сооруженная перед приездом Екатерины II в Крым.

Получить в Херсоне почтовых лошадей Гойдтнеру не удалось, поэтому он на наемном экипаже отправился через Алешки в Перекоп, «где царил оживленная жизнь, проходили сотни повозок, запряженных частью лошадьми, частью волами, частью верблюдами, и тысячи людей разных наций из всех сил старались проложить себе путь в грязи глубиной в полметра» [12, S. 6]. Из Перекопа Гойдтнер отправился в Симферополь, но на последней станции вынужден был почти сутки ожидать лошадей. Чтобы двинуться дальше, он был вынужден подкупить возницу: «Была темная ночь. Разбитая от частого передвижения дорога после непрерывающегося более суток дождя разбухла настолько, что лошадям приходилось тащиться по ней по брюхо в грязи. Постоянно накрапывающий ледяной дождь промочил меня до нитки, а возница-татарин не внушал мне большого доверия. <...> Неожиданно повозка остановилась и когда я приподнялся, то увидел, что мы стоим на краю стремительно несущейся, набухшей от дождя реки. Татарин припустил лошадей, хоро-

шенько хлестнув их, и мгновение спустя лошади и повозка поплыли по Салгиру. Я испугался, схватил татарина за шею, затряс его со страшной силою и закричал ему: “Татарская собака! Ты хочешь утопить саксонского доктора?” Он не двигался, только испустил несколько вздохов, и когда мы благополучно выплыли и перед нами снова была проселочная дорога, я понял, что его поступок был продиктован необходимостью, – я заключил с ним мир и когда мы подъехали ко второй переправе и он вопрошающе посмотрел на меня, я только сказал: “Пашол”» [12, S. 7].

Поздней ночью 4 (16) февраля Гойдтнер приехал в Симферополь. Следующий день он осматривал столицу Крыма, «кишевшую татарами, турками, персами, армянами, караимами, евреями, христианами и пр.», а рано утром 6 (18) февраля выехал в Севастополь и вскоре он с высокой горы обозревал заветную цель поездки: «передо мной лежал великолепный город и девственная крепость во всей красе, передо мной лежала гавань украшенная колоссальными военными кораблями, с королевским спокойствием покоящимися на якорях, между ними беспрестанно сновали маленькие и большие суда, передо мной лежало Северное укрепление, расположенное на возвышенности и со спокойным величием глядящее на суету, под ним происходящую, передо мной лежал базар на “Сиверну” с палатками и ларьками, по которому оживленно ходили татары, цыгане, евреи и солдаты» [12, S. 8].

Переправившись на Южную сторону, Гойдтнер остановился в гостинице Шнейдера, располагавшейся на Екатериненской улице. В основном здесь жили и обедали офицеры. О ней часто говорится в воспоминаниях защитников Севастополя, в том числе и в связи с военными медиками. В 1872 г. В. П. Зарубаев вспоминал: «Один раз я зашел в гостиницу Шнейдера. Доктора с главного перевязочного пункта прибегали сюда в своих клеенчатых фартуках с запекшейся кровью и присохшими кусками мяса, руки точно в перчатках от засохшей крови и лоснят. Наскоро уничтожали какого-нибудь курчонка этими же руками и, облизывая окровавленные пальцы,

снова спешили за свою ужасную работу» [3, с. 468]. Этот образ с трудом сопрягается с воспоминанием Гойдтнера об удовольствии от общения с «медицинской элитой России», представители которой «вместе с прилежными медицинскими занятиями сочетали *savoir vivre*» [12, S. 14].

На следующее утро Гойдтнер доложил о своем прибытии генерал-штаб-доктору, действительному статскому советнику Николаю Гавриловичу Шрейберу (Schreiber, 1806–1890), возглавлявшему Главное управление Медицинской части в Севастополе, и получил распределение в военно-сухопутный госпиталь на Северной стороне. Месте с ним в госпитале работали врачи Маркус (Markus) и Эрхардт (Erhardt) из Пруссии, Рихтер (Richter) из Саксонии и Ройссер (Reusser) из Вюртемберга. Большая часть немецких врачей была прикреплена к перевязочному пункту и временному сухопутному госпиталю в Александровских казармах на Корабельной стороне – баварцы фон Шёнхуб и Георг Поспишил (Pospischil, 1827–1887), саксонец Заар, вюртембержец Ханс Хауфф (Hauff, 1829–1858), швейцарец Цуппингер и пруссак Закс.

Военно-сухопутный госпиталь на Северной стороне был развернут в октябре 1854 г. в бараках Литовского пехотного полка. Главным врачом госпиталя был статский советник, медико-хирург Карл Иванович Вейсбах (Weissbach, 1799–?), а главными хирургами – коллежский советник Николай Григорьевич Райский и статский советник Орест Иванович Рудинский (1816–1889). Хотя это был самый большой госпиталь Севастополя, о его работе во время осады города известно меньше всего. Поэтому из воспоминаний Гойдтнера можно почерпнуть ряд ценных сведений об устройстве и функционировании госпиталя, некоторые из которых уже были приведены в одной из статей [5].

Распорядок дня немецких врачей выглядел следующим образом. По утрам денщик приносил самовар, и врачи пили кофе. Затем в 8 часов (а с наступлением весны в 7 часов) они совершали обход палат. На попечении каждого находилось от 200 до 240 больных и раненых.

В палатах врачи проводили от 2 до 5 часов. В 4 часа дня они еще раз обходили палаты. В остальном, пишет Гойдтнер, они были «хозяевами собственного времени. Мы проводили его, совершая при хорошей погоде прогулки по окрестным высотам, или отправлялись в город, или занимались домашними делами. В первый месяц обед мы готовили сами, но затем, когда в нашей комнате поселился четвертый коллега и перестало хватать места, мы стали заказывать еду на офицерской кухне или ходили на базар в так называемую “Одесскую палатку” и обедали там. Купить можно было все, кроме годного в пищу масла и пива» [12, S. 9]. О владельце «Одесской палатки», севастопольском купце Александре Ивановиче Серебряникове, пишет в своих «походных записках» Н. В. Берг, один из ярких бытописателей войны [1, с. 7].

Среди любимых развлечений немецких врачей были поездки через бухту в город, где они «прогуливались по бульвару, на котором на самом виду у французского лагеря играла музыка и собиралось общество, и беседовали за бутылкой вина в кондитерской или в трактире» [12, S. 16]. Поступали в город и немецкоязычные газеты – рижская газета «Ришаше цайтунг» и саксонская газета «Дорфбарбье», доставлявшая особую радость Гойдтнеру, так как с ее редактором он был знаком лично.

С первым наплывом раненых Гойдтнер столкнулся в середине февраля 1855 г. после «сражения у реки Черной», битвы «важной и удачной для России, поскольку считавшиеся до сих пор непобедимыми французы потерпели поражение, и русский солдат понял, что он не уступает противнику, вселявшему страх» [12, S. 8]. Раненых в госпитале посетили великие князья Николай и Михаил Николаевичи вместе со всем штабом, «утешая, благодаря и вознаграждая»: «каждому раненому офицеру было пожаловано по сто рублей серебром» [12, S. 9]. Гойдтнер допускает небольшую неточность в названии сражения; речь идет о ночной атаке французов 12 (24) февраля на Селенгинский редут. Несколько сотен раненых солдат обеих армий были доставлены в госпитальные

баракы на Северной стороне, где днем и навестили их высокие особы. Как писал другой очевидец: «я был свидетелем, как ласково и утешительно для пострадавших, Государи Великие князья расспрашивали раненых о их славных подвигах и благодарили за их верную службу» [8, с. 1].

15 (27) февраля 1855 г. командующий войсками в Крыму А.С. Меншиков был отправлен в отставку. До прибытия М.Д. Горчакова обязанности командующего (до 8 (20) марта 1855 г.) исполнял начальник Севастопольского гарнизона Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (Osten-Sacken, 1793–1881), который стал проводить более активные боевые действия по отношению к противнику. С увеличением числа вылазок выросло и число раненых, так что работы у врачей значительно прибавилось. Однако ситуация в госпиталях резко ухудшилась с началом второй бомбардировки города, продолжавшейся с разной степенью интенсивности 14 дней.

В первый день бомбардировки, 28 марта (9 апреля), на перевязочном пункте Александровского госпиталя на Корабельной стороне осколком бомбы был убит доктор Карл Август фон Шёнхуб [5]. Эта была первая смерть среди немецких врачей: «мы похоронили его на Северной стороне и всех нас охватил страх смерти» [12, S. 10]. Практически все немецкие врачи переболели тифом и их начали постепенно переводить в разные тыловые госпитали. Товарищи Гойдтнера по квартире Рихтер и Эрхардт были отправлены на поправку в Николаев, где 9 (21) мая 1855 г. были приписаны к военно-временному госпиталю № 11 [2, с. 320], а Ройссер поступил в распоряжение князя Голицына.

Не обошел стороной тиф и самого автора воспоминаний. Выходили врача сестры милосердия, о которых он отзывался с большой теплотой. В частности, он пишет, что «Когда после отъезда моих коллег, в течение трех месяцев деливших со мной опасности и общий дом, я лежал в расстройстве от отсутствия известий из дому и ожидал своего конца, измученный болезнью и ежедневной перевязкой 50 гангренозных раненых, именно они утешали меня, ухаживали за мной и передавали свою поддержку через евангелическо-лютеран-

ского пастора в Крыму» [12, S. 12–13]. Здесь речь, вероятно, идет о лютеранском пасторе Франце Хильденхагене (Hildenhagen, 1804–1856), уроженце Тюрингии, получившем теологическое образование в Дерптском университете. С 1842 г. он служил полковым пастырем в Севастополе. Хильденхаген с большим вниманием следил за жизнью евангелическо-лютеранской общины в Крыму. Во время осады он с семьей оставался в Севастополе. Его дом был разграблен французами [15, S. 42–44]. После падения крепости Хильденхаген служил пастырем в Херсоне, где скончался в марте 1856 г. [9, S. 174].

Ослабленный болезнью и тяжелой изнурительной работой Гойдтнер воспользовался правом на досрочное увольнение, предусмотренное контрактом, и 26 мая (6 июня) оставил Севастополь. Однако он не торопился вернуться домой, выбрав более длинный путь, чтобы посетить Одессу. На родину он возвратился 10 (22) июля 1855 г.

Впечатления Гойдтнера о пребывании в России носят положительный характер. Он пишет, что немецкие предрассудки о России как стране «деспотизма, варварства, бесконечной пустынной местности и т. д.» не соответствуют действительности [12, S. 11]. Во время поездки он видел плодородные поля с богатым урожаем, многочисленные стада, красивые города, в которых кипит торговля и ремесленная деятельность, и где «жизнь протекает такая же, как у нас, но только роскошь имеет большее значение, так как заработки здесь значительно больше и даются проще» [12, S. 12]. Губернаторов отличает «образованность и гуманность», а в отношениях между «между людьми высокого и низкого положения, между господами и слугами царят фамильярные и доверительные отношения». В целом, заключает он, «я нашел русских осмотрительными и настойчивыми, но добродушными, а правительство верным и добросовестным в исполнении своих обещаний» [12, S. 12].

Не проходит Гойдтнер и мимо «напастей России», среди которых называет «блох, вшей, клопов и мух», отсутствие удовлетворительных жилых комнат, плохие почтовые кареты, напоминающие

«свиные корыта», и множество евреев, «шахер-махеров», без которых нельзя было обойтись, поскольку «только благодаря им является возможным удовлетворить все потребности, хотя это и мучительная необходимость» [12, S. 15–16].

Выводы. Воспоминания саксонского врача Франца Сигизмунда Гойдтнера, написанные по горячим следам поездки по России и участия в обороне Севастополя, представляют важный источник по истории службы иностранных врачей в Крымской войне и в особенности по работе немецких врачей в госпиталях на Северной

и Корабельной сторонах осажденного города. Сведения и факты, которые приводит Гойдтнер, не претендуют ни на полноту, ни на отчетную точность. В стиле и слоге автора чувствуется непосредственная эмоциональная реакция живого свидетеля, крайне благосклонно настроенного по отношению к России. Особый интерес воспоминания Гойдтнера могут представлять для сопоставительного анализа рассказов разных мемуаристов (отечественных и иностранных) об одних и тех же событиях обороны Севастополя, непосредственными свидетелями которых они были.

1. Берг Н. В. Севастополь в августе 1855 года. (Из походных записок) // Русский художественный листок, издаваемый В. Тиммом. 10 сентября 1857. № 26. С. 1–8.

2. Горбуров Е. Г., Левченко Л. Л., Беляева Е. В. Николаев в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг.: Неизвестные архивные документы. Николаев: Илион, 2020. – 440 с.

3. Зарубаев В. Воспоминания о Севастополе // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. II. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1872. – С. 435–488.

4. Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования гос. имп. Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Т. II / сост. М. С. Максимовским, Н. К. Шильдером, М. П. Хорошхиным; под руковод. М. И. Богдановича. СПб., 1879. – 615 с.

5. Лобков А. Е. Участие немецких медиков в первой обороне Севастополя // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б: Новая и новейшая история. М., Севастополь, 2020. № XXX (XIV). – С. 7–20.

6. Памятник князю Потемкину (1836 г.) // Русская старина. Т. XIV. 1875. № 9. – С. 267.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXX. Отд. первое. 1855. СПб., 1856. – 778 с.

8. Посещение Селенгинского редута (у Севастополя), по отбитии штурма, 12-го февраля 1855 года, Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем (составлено по рассказу В. Тимма) // Русский художественный листок, издаваемый В. Тиммом. 20 марта 1857. № 9. – С. 1–2.

9. Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat / bearb. v. A. Hasselblatt u. Dr. G. Otto. Dorpat: Verlag von C. Mattiesen, 1889. – 1007 S.

10. Allgemeine medizinische Central-Zeitung. 30. Dezember 1854. № 103. Sp. 824.

11. Geudtner F. S. Dissertatio inauguralis medica de Febre puerperali. Jenae, 1837. – 40 S.

12. Geudtner [F. S.] Vier Monate in Sebastopol. Riesa: Verlag E. F. Grellmann, 1855. – 16 S.

13. Elbeblatt und Anzeiger. 30. Mai 1873. Beilage zu № 43. S. 209.

14. Leipziger Zeitung. 28. November 1855. Erste Beilage zu № 281. S. 6564.

15. Reichard M. Erinnerungen eines evangelischen Feldpredigers im französischen Lager vor Sewastopol 1855–1856. Bielefeld und Leipzig: Verlag von Velhagen & Klasing, 1867. – 177 S.

The article examines the memoirs of the Saxon doctor Franz Sigismund Goidtner, who served from February to June 1855 in the military land hospital on the Northern side of Sevastopol. The history of the participation of the American and German doctors in the Crimean War remains poorly studied. The scarcity of the domestic sources on this topic can be largely made up for by the testimonies of the foreign doctors themselves, we can find Goidtner's little book "Four Months in Sevastopol" among them which occupies an important place. You can learn such valuable information from the memoirs written immediately after the German doctor's return to his homeland as the conditions for the recruiting doctors for the Russian service, the names of doctors and their distribution to hospitals, the peculiarities of the medical service and the life of doctors in Sevastopol, as well as personal impressions of their stay in Russia.

Keywords: Franz Sigismund Geudtner, the Defence of Sevastopol, the Crimean War, the German Doctors, the History of Medical Relations, the Russian Military Medical Service.

УДК 725.171

Е. А. Ржевская

Объект «Заря» в Форосе. Последняя Госдача СССР (архитектурно-художественное решение)

В статье рассматривается уникальный архитектурный комплекс на территории Крыма – правительственная резиденция президента СССР М.С. Горбачева (на посту с 1985 по 1991 гг.) объект «Заря» в Форосе. В основу статьи лег личный архив академика Российской академии художеств, Заслуженного архитектора Р. Ф. Ржевского В. Н. Во время строительства объекта он проявлял личную творческую инициативу как в создании альтернативного проекта объекта «Заря», так и личного участия в утвержденном Правительством проекте – проектировании бассейна и других сооружений с применением новейших технологий. Характер времени раскрывается, с одной стороны, в гармоничном единстве пространственной композиции зданий, интерьерных сооружений, произведений монументальной живописи и садово-паркового искусства; а с другой – мотивационном факторе пожеланий владельцев государственной резиденции.

Ключевые слова: Форос, госдача, проект, ансамбль, синтез, монументальное искусство, инновация, сохранность, памятник архитектуры.

Актуальность. В данной статье проведена попытка, на основе личного архитектурного опыта академика Российской академии художеств Валерия Николаевича Ржевского, участвовавшего в проектировании закрытого объекта «Заря» – последней госдачи СССР, проанализировать ее значимость с точки зрения архитектурно-художественной ценности.

Изученность проблемы. В связи с тем, что количество научных публикаций по теме минимально, автор данного исследования опирался на некоторые общие исследования и статьи по теме. Роскошные императорские дворцы в Крыму хорошо изучены, а вот дачи советских лидеров, и не только в Крыму, но и России, по причине закрытости, тре-

буют более пристального внимания. Что касается объектов в Тавриде, то этой теме посвящена книга историка А. Е. Артамонова «Госдачи Крыма. История создания правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму: правда и вымысел». В ней приводятся сведения по истории поселка Форос в составе Российской империи с конца XVIII века. Наряду со многими госдачами Крыма, также упоминается объект «Заря», как расположенный на территории санатория Управления делами ЦК КПСС «Форос» и ставший культовым объектом для партийных функционеров с начала 1930-х годов. В исследовании Артамонова приведены интересные сведения о президенте страны, отдыхавшем на госдаче до августов-

ского путча 1991 года со своей семьей. Однако архитектурно-художественный облик правительственной резиденции объекта «Заря» не рассматривается. Научная новизна данной статьи заключается не во всестороннем анализе всех составляющих объекта «Заря», а в общей характеристике архитектурно-художественной значимости объекта, основных участников проектирования архитектурного ансамбля – высочайших профессионалов своего времени.

Объект исследования – госдача «Заря» в Форосе. **Предмет** исследования – чертежи, рисунки и архивные материалы одного из участников проектной группы по возведению объекта «Заря».

Целью данной статьи является изучение на основе индивидуального архитектурного опыта, архивных материалов, а также личных воспоминаний одного из участников проектной группы художественно-архитектурной значимости объекта «Заря» в Форосе и выявление его особенностей.

Задачи. Советский период, как и все периоды мировой истории, имеет свои доминанты в архитектурно-художественной практике. Для того чтобы понять, относится ли объект «Заря» к вершинам гармоничного единства архитектурного ансамбля своего времени, его надо всесторонне изучить. Ввиду этого первостепенным фактором является раскрытие первоначального образа объекта и его характерных особенностей: проектного решения ансамбля и обогащение его монументальным искусством (мозаики, витражи, художественное литье, гобелены, керамика).

Изложение основного материала. Полуостров Крым, омываемый водами Черного моря, уникален своим климатом, богатой флорой и фауной. Не случайно Екатерина Великая назвала Тавриду драгоценной жемчужиной в короне Российской Империи. «На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия», – отмечал посол французского короля, граф Сегюр [3, с. 62], сопровождавший императрицу в её путешествии

в Крым. В середине XIX века начинается строительство императорских резиденций. Все они, сопоставимые с лучшими дворцово-парковыми ансамблями Европы, привнесли особенности европейского вкуса и лоска в Тавриду, но как всегда – *à la manière russe*. Но именно эта специфика высокого вкуса заказчика и мысли архитектора и сделали их исключительным явлением в истории дворцово-парковой архитектуры на крымской земле [2]. Прав был И. Бродский, писавший: «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Целебность моря понимали не только монархические особы. Дворцы строили в Тавриде многие аристократы, дачи – деятели искусства, да и все те, кто мог себе позволить эту роскошь. При советском строе лидеры государства стремились не отстать от первых, как говорится, «положение обязывает».

В 1985 году в проектный институт МОСССР поступил заказ на проектирование Госдачи «Заря» в Крыму. Место выбрано недалеко от поселка Форос. Историк А. Е. Артамонов пишет: «Форос в настоящее время – это поселок городского типа на Южном берегу Крыма. Расположен в западной части Южного берега Крыма, в 35 км от Ялты, в 3 км от мыса Сарыч, у подножия Ай-Петринской горной гряды. Форос – это самая южная точка Крыма, имеющая особый микроклимат и эндемичные виды Понтийской флоры и фауны. Поселок Форос территориально входит в городской округ Ялта (Ялтинский горсовет), как центр бывшего Форосского поссовета. Рельеф в пределах этого микрорегиона изменяется от равнинного на северо-западе до низменного в центральной части и на юго-востоке. Колесание относительных высот в пределах района достигает 1000 м. Климат в Форосе субтропический средиземноморский, с теплой зимой и длительным, влажным, но не очень жарким летом. Форос является самым солнечным местом Южного берега, но дневная жара смягчается бризами. Преимущество Фороса по сравнению с другими курортами ЮБК – это малое количество осадков и невысокая влажность

Рис 1. Объект «Заря» в Форосе. Вид с моря. Графический рисунок В. Н. Ржевского.

воздуха, что в сочетании с бризами делает климат Фороса исключительно комфортным для отдыха больных легочными заболеваниями» [1, с. 72].

Именно поэтому место для Госдачи «Заря» выбрали в районе Фороса. Группу военных архитекторов и ответственных лиц из 9 управления КГБ СССР отправили на побережье, погрузили на пограничный катер и повезли знакомить с площадкой под строительство объекта. Академик Российской академии художеств, Заслуженный архитектор РФ Валерий Николаевич Ржевский¹ (1951 г.р.), а в то время военный архитектор Специального проектного бюро 1 Центрального Военпроекта рассказывает: «Место было очень красивым, небольшая бухта с мелкой галькой, чистейшая вода. В которой можно было на глубине нескольких метров видеть дно, и огромный дуб, который рос прямо на пляже! Когда подошли на катере к пляжу, из под дуба выскочила влюбленная парочка. Ну точно Рай!»².

В кратчайшие сроки под руководством главного архитектора 1 ЦВП, Заслуженного архитектора РСФСР Ю. Г. Кривущенко был разработан и утвержден генеральный план объекта. Данная Госдача

сильно отличалась от других. Этот объект строился не только для отдыха, но и для работы, и проживания высоких почетных гостей. В состав садово-паркового ансамбля вошли: главный дом, пищеблок, дом для охраны и сопровождающих лиц (служебный дом) с гаражами, открытый и большой крытый бассейн, гостевые дома и грот, а также необходимые служебные и подсобные помещения.

Площадка, по мнению архитектора, была хотя и красивая, но очень сложная из-за больших перепадов рельефа (рис 1). Но самое главное грунт – осыпь горного массива Ай-Петри в сейсмически активном районе. В связи с этим фундаменты под здания оказались дорогостоящими, «просто золотыми». Они тянулись на десятки метров до скального основания! Тяжелой строительной техники развернуть было негде, все легло на плечи военных строителей. В скальных породах прокладывались траншеи для водопровода и канализации, спецсвязи и т.д. Почти всё делали вручную, ну, и главное – сроки. Сроки были сжаты! Однако архитекторы и инженеры 1 ЦВП справились со своей задачей. Так как объект был очень важный и сложный, то руководство института приняло решение разделить разработку отдельных зданий по Специальным проектным бюро. Так «главный дом с пищеблоком» отдали в Бюро «А», где главным архитектором был А. Н. Чекарёв, а в бюро «Б», где работал Валерий Ржевский, – крытый бассейн, гостевые

¹ В. Н. Ржевский с 1980 по 1990 г. кадровый офицер Советской Армии проходил службу в 1 Центральном Военпроекте с 1980 по 1987 гг., затем служил в Группе Советских Войск в Германии, в Вюнсдорфе ГАПом (главным архитектором проекта) в Проектно-изыскательном отделе Главного штаба ГСВГ.

² Записано со слов В. Н. Ржевского 22.05.2021. Личный архив автора

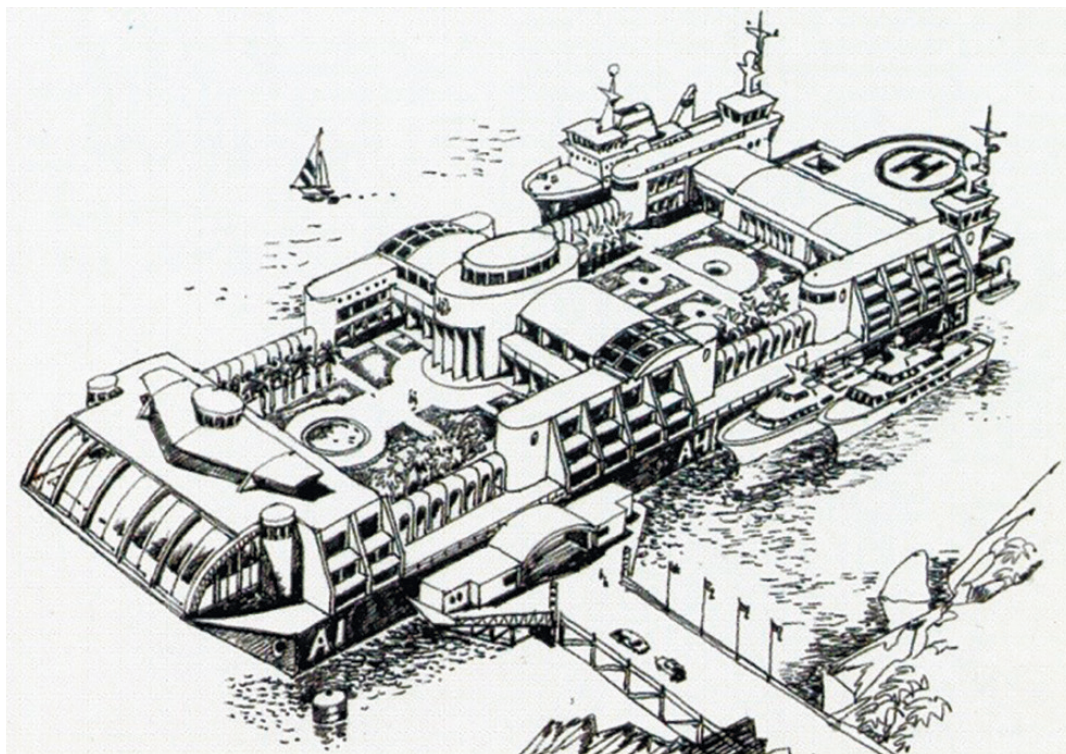

Рис 2. Объект «Заря». Альтернативное предложение архитектора В. Н. Ржевского.

дома и всю пляжную зону с гротом. Работа шла в стахановском темпе: чертили планы, фасады, разрезы, моментально ездили согласовывать в 9 управление.

В. Н. Ржевский рассказывает: «Тогда было время перемен, мы все верили в «перестройку», на место пожилого состава руководства страны пришли молодые и энергичные люди. Это не могло не отразиться и на наших проектах. Молодые архитекторы, которые уже имели опыт работы на Госдачах, думали, что прошло время хрустальных люстр и огромных ковров. Таких как в «Завидово» (Тверская область) и Сочи, Абхазии и Минводах, где все стены были упакованы деревянными панелями 160-го ДСК с гобеленовыми вставками, полы выложены художественно-щитовым паркетом из десятка ценных пород древесины, а на кессонированных потолках – много богатого хрусталя. Все. Теперь пришло время современной архитектуры – с большими окнами и светлыми интерьерами»³.

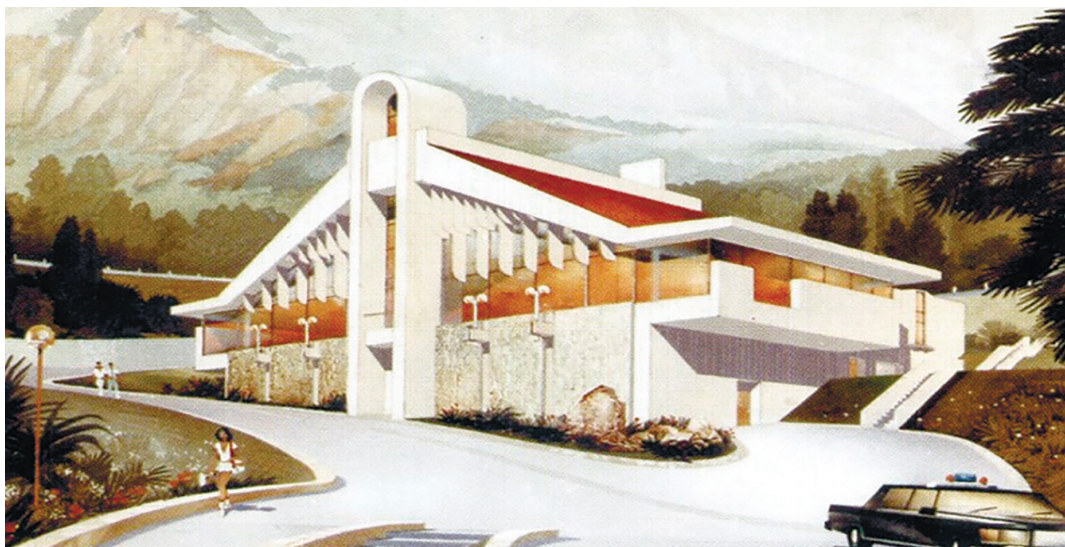
В. Н. Ржевский создал инновационный проект объекта «Заря» (рис 2.).

В то время на верфях Новороссийска стояли недостроенные корпуса авианосца. В. Н. Ржевский предложил использовать часть этого корабля под плавучую резиденцию, создать, по его словам, «дворец на искусственном острове», который можно было бы переносить в любую точку прибрежной зоны черноморского побережья⁴. Однако, когда архитектор принёс свой вариант проекта в 9 управление КГБ, там он показался слишком авангардным. В результате выбрали вариант главного архитектора Военпроекта Ю. Г. Кривущенко, на то время понятный заказчику.

И уже на первом этапе проектирования архитекторов «поправили» – не надо лишней скромности (особенно это касалось материалов и интерьеров). Архитекторам выдали зарубежные каталоги на керамическую плитку, обои, сантехнику и т.д. Это были материалы и изделия в

³ Записано со слов В. Н. Ржевского 22. 05. 2021. Личный архив автора.

⁴ По проекту В. Ржевского на главной палубе размещались жилые и служебные помещения, а также парк, бассейны, фонтаны и т.д. В комплекс входили вертолётные площадки, под палубой были заложены ангары для вертолетов и прогулочных катеров, также кинозал, конференц-зал, переговорные. На нижних палубах: складские и кухонные помещения, электростанция и др. технические помещения.

*Рис. 3. Крытый бассейн объекта «Заря» в Форосе.
Проект (графический рисунок) В. Н. Ржевского.*

основном из соцстран, так как это было удобно. Из стран Варшавского договора практически каждый день можно было бортом доставлять любую продукцию.

В. Н. Ржевский считает, что при работе над крытым бассейном появился целый ряд очень интересных инновационных решений (рис.3). Так, главный витраж, выходящий фасадом на море, вернее его нижняя часть 50 метров в длину и 4 метра в высоту (200 кв. м), автоматически могла опускаться в стену, и бассейн превращался в открытый, но с крышей (рис.4). Такое конструктивное решение позволяло плавающему видеть горизонт, находясь в воде бассейна. Высокий двухскатный потолок крыши давал огромный объем воздуха.

Забор морской воды осуществлялся за сотни метров от берега, а сама чаша бассейна, длиной 50 метров, была выполнена без бортиков, с пенным корытцем из югославской плитки очень красивого голубого цвета. «Красоте уделялось большое значение, – подчеркивает В. Н. Ржевский. – Все наши архитектурные разработки интерьеров утверждались наверху, а далее мы летели с ними в Ригу, где латышские художники-монументалисты создавали по ним свои произведения. Это были великолепные гобелены, очень красивая керамика и витражи. Авторские работы! Мозаичные панно делали из лучших сортов и видов уральских камней.

А мебель заказывали в Таллине. Там была линия по обработке клееной древесины. Вот так и работали – неделя в Москве, неделя в Риге, потом Таллин, ну, и в Крым! Помню, когда приступили к разработке спортивно-оздоровительного комплекса при Бассейне, меня направили в командировку в Алма-Ата, на уникальный банно-оздоровительный комплекс «Арасан», только что построенный (1982 г.), но уже снискавший славу [6]. Автор проекта В. Т. Хван, молодой талантливый архитектор питерской школы, рассказал и показал мне много интересных планировочных и конструктивных решений, особенно это касалось влажных помещений – душевых, бассейнов, парных. Из этого мы многое применили в бассейне Фороса»⁵.

Бассейн в объекте «Заря», его архитектурный облик, выполнен в соответствии с общим стилевым решением ансамбля, однако, ввиду больших габаритов отличается от главного дома. Так вечером его центральный витраж сияет всеми цветами радуги, а днем превращает пространство бассейна в детский kaleidoscope. Академик архитектуры О. А. Швидковский в своих трудах не случайно подчеркивал, что «необходимость в синтезе искусств рождается не от бедности архитектурной практики, а, наоборот, от

⁵ Записано со слов В. Н. Ржевского 22.05. 2021. Личный архив автора.

*Рис.4. Интерьер закрытого бассейна объекта «Заря» в Форосе.
Проект архитектора В. Н. Ржевского.*

полноты жизни, многогранности ее форм и проблем» [4, с. 26].

Монументальное искусство обогащает архитектуру. Этому правилу архитектор Ржевский был привержен всегда⁶. Будучи заведующим кафедрой Архитектуры Московского государственного академического художественного института (МГАХИ) имени В. И. Сурикова, В. Н. Ржевский стремился, чтобы архитекторы со студенческих лет сотрудничали с художниками-монументалистами. Некоторые дипломные работы выпускников вуза были связаны с тематикой объектов Черноморского побережья [5].

Большое внимание на «Заре» уделено благоустройству и озеленению, которое выполняли московские военные – подразделение полковника Биручана. С Биручаном В. Н. Ржевский работал на многих

объектах в Москве и Подмосковье. По его словам, это был большой профессионал, можно сказать, главный военный ландшафтный архитектор. Он знал о деревьях, кустарниках и цветах все! В. Н. Ржевский вспоминал, как они в Подмосковье реконструировали военный санаторий в Марфино. Это был довоенный санаторий, заросший большим диким лесом, Биручан же буквально за месяц превратил его в шикарный пейзажный парк с аллеями, фонтанами и парковой подсветкой.

Для объекта «Заря» растения доставляли из Никитского ботанического сада. На военных заводах по чертежам разрабатывалась и выполнялась парковая подсветка. На территории объекта были установлены 2 эскалатора (с легким остеклением), идущие из главного дома через бассейн на пляж. В пляжной зоне разместились гостевые домики, домики охраны и обслуживания, а справа – небольшой грот, где можно уединиться и даже провести переговоры. Впоследствии был разработан пирс для стоянки катеров, однако, его так и не закончили. По словам В. Н. Ржевского: «В процессе проектирования приходилось много рисовать

⁶ Дружба и сотрудничество В. Н. Ржевского с художниками, такими мастерами как А. Учаев, Р. Баранов, а позднее академиками РАХ: Е. Зверьковым, Е. Максимовым, Р. Федоровым П. Стронским придала его творчеству особую теплоту в художественной трактовке архитектурных решений. Так, например, его завод преформ в Мытищах с ярким цветовым дизайнерским решением фасадов и интерьеров был признан лучшим в России и получил признание – «Золотое сечение»; в 2001 г. Ржевский стал лауреатом премии.

«показного материала» для согласования «наверху». Однажды мне поручили выполнить панораму. Я нарисовал весь объект «Заря» – вид с моря, а на переднем плане изобразил военный сторожевой корабль. На следующий день командир врывается в мою мастерскую и кричит: «Срочно убери военный корабль, а то дача, как захваченный объект! – Да кто бы мог подумать тогда, что некое предвидение в этом есть! Конечно я перекрасил это место на планшете, нарисовал обычный пляжный катерок с красивой женщиной. Командир опять спрашивает: А это кто? – Я ему – как кто? Раиса Максимовна! – После этого все было согласовано. Кстати, когда я делал крытый бассейн я тоже нарисовал ее в теннисном костюме с ракеткой – и тоже все согласовали! Маленькие хитрости помогали нам в работе со сложным заказчиком»⁷.

В Крыму военные архитекторы проектировали кроме госдач много военных санаториев. Из них следует отметить один очень интересный – санаторий «Крым», который разместился на восточном склоне Аю-Даг. Авторы его – архитекторы А. Андриященко и Ю. Кри-

вущенко. Однако В. Н. Ржевский также принял участие в создании этого уникального комплекса; его ресторан в виде каменного цветка, на краю обрыва, стал действительно украшением санатория.

Военные архитекторы I Центрального Военпроекта работали не только в Крыму, большое количество значительных их объектов находится в Краснодарском крае, Сочи и Минводах, Сухуми и Гудауте, Пятигорске и Ессентуках. Проекты всегда выполнялись в короткие сроки, качественно и на высоком художественном уровне, стоит подчеркнуть, что в отличие от проектов гражданских архитекторов, практически ни один проект не был отправлен «на полку» – все были осуществлены.

Выводы. Госдача «Заря» в Форосе представляет несомненный интерес как документ эпохи. В связи с уникальностью ансамбля, взаимосвязанному единству искусства (живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства) и архитектуры, характеризующего его специфику, он может быть причислен, в целом, к лучшим архитектурным комплексам своего времени и, в частности, правительственным резиденциям на черноморском побережье советского периода.

⁷ Записано со слов В. Н. Ржевского 22. 05. 2021. Личный архив автора.

1. Артамонов А. Е. «Госдачи Крыма. История создания правительственных резиденций и домов отдыха в Крыму: правда и вымысел» - М.: Центрполиграф, 2015. – 448 с.
2. Горохов В. А. Дворцы и парки Крыма. – М.: ООО «ИНОКТАВО», 2018 – 636 с.
3. Коваленский М. Н. Путешествие Екатерины II в Крым. – М. Кн: К. Ф. Некрасова, 1906. – 144.
4. Швидковский О. А. Гармония взаимодействия//Архитектура и монументальное искусство. - М.: Стройиздат, 1984. – 280 с.
5. Малинина Т. А. Молодая архитектура//Академия. V. 2010. – С. 40-44.
6. Баня Арасан в Алматы. – URL:<http://www.voxpopuli.kz/history/2422-kak-stroili-bannyi-komplex-arasan.html> (дата обращения 29.06. 2021)

The article considers the unique architectural complex on the territory of the Crimea – the government residence of the President of the USSR Mikhail Gorbachev (in office from 1985 to 1991), the Zarya object in Foros. The article is based on the personal archive of the Academician of the Russian Academy of Arts, Honored Architect R. F. Rzhnevsky V. N. He showed the creative initiative both in creating the alternative project of the Zarya object during the construction of the facility, and the personal participation in the project approved by the Government - the design of the pool using the latest technologies of that time. On the one hand, the nature of time is revealed in the harmonious unity of the spatial composition of the buildings, the interior structures, the works of monumental painting and the garden and the park art; on the other hand, it is the motivational factor of the wishes of the owners of the state residence.

Keywords: Foros, the state vacation cottage, the project, the ensemble, synthesis, the monumental art, the innovation, the preservation, the architectural monument.

Сведения об авторах

Авдониная Людмила Петровна, библиотекарь ГБУК РК «Крымский литературно-художественный музей-заповедник»

Воробьева Татьяна Юрьевна, кандидат технических наук, доцент, независимый исследователь

Кранк Эдуард Освальдович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Крюкова Людмила Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Лобков Александр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет

Новосельская Вера Вадимовна, кандидат педагогических наук, Министр культуры Республики Крым, Министерство культуры Республики Крым

Никонова Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности и межкузыковых коммуникаций ГБОУВО РК «Крымский Университет Культуры, Искусств и Туризма»

Ржевская Елена Александровна, кандидат искусствоведения, Член-корреспондент Российской академии художеств, Ученый секретарь Научно-организационного управления Российской академии художеств

Савостьянова Лариса Владимировна, научный сотрудник ГБУК РК «Крымский литературно-художественный музей-заповедник»

Сафонов Александр Владимирович, студент магистерской программы «Управление в сфере культуры, образования и науки» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Тихомирова Наталья Федоровна, преподаватель-методист ГОУ ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

Тряскова Юлия Максимовна, студент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Цирульник Виктория Ивановна, старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности и межкузыковых коммуникаций ГБОУВО РК «Крымский Университет Культуры, Искусств и Туризма»

Authors

Avdonina Lyudmila Petrovna, the Librarian of the State Library of the Republic of Kazakhstan “The Crimean Literary and the Art Museum-Reserve”

Krank Eduard Oswaldovich, the Candidate of Philosophical Sciences, the Associate Professor of the Department of Humanities and the Socio-Economic Disciplines of the Chuvash State Institute of Culture and Arts

Kryukova Lyudmila Sergeevna, the Candidate of Philological Sciences, the Associate Professor, the Senior Lecturer of the Department of the Foreign Languages of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Lobkov Alexander Evgenievich, the Candidate of Philological Sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University

Novoselskaya Vera Vadimovna, the Candidate of Pedagogical Sciences, the Minister of Culture of the Republic of Crimea, the Ministry of Culture of the Republic of Crimea

Nikonova Darya Alexandrovna, the Senior Lecturer of the Department of Library and Information Activities and Interlanguage Communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Rzhevskaya Elena Aleksandrovna, the Candidate of the Art History, the Corresponding Member of the Russian Academy of Arts, the Scientific Secretary of the Scientific and Organizational Department of the Russian Academy of Arts

Savostyanova Larisa Vladimirovna, the researcher of the State Budgetary Institution of the Republic of Kazakhstan “The Crimean Literary and Art Museum-Reserve”

Safonov Alexander Vladimirovich, the student of the Master’s program “Management in the field of Culture, Education and Science” of the Institute of the Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

Tikhomirova Natalia Fyodorovna, the teacher-methodologist of the State Educational Institution of the LPR “Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky”

Tryaskova Yulia Maksimovna, the student of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Tsirulnik Victoria Ivanovna, the Senior Lecturer of the Department of Library and Information Activities and Interlanguage Communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Vorobyeva Tatyana Yuryevna, the Candidate of Technical Sciences, the Associate Professor, the independent researcher

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ТУРИЗМА

В. В. Новосельская

Роль религии в формировании культурного ландшафта
(на примере Крыма) 4

Л. П. Авдонина, Л. В. Савостьянова

Гуманитарные технологии в формировании
вторичной языковой личности при изучении
иностранного языка 12

Т. Ю. Воробьёва

Туристический дизайн: российские города..... 17

Л. С. Крюкова

Языковое разнообразие в России и Европе 24

А. В. Сафонов

Роль профсоюзных организаций
в регулировании социокультурных процессов
в регионах и муниципальных образованиях 28

Н. Ф. Тихомирова

Стили музыкальной культуры
в дискурсе трандисциплинарности 34

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю. М. Тряскова

«Интересный подход к объяснению материала»:
опыт применения научных мемов
в образовательной среде средней школы г. Ярославль..... 40

<i>В. И. Цирульник, Д. А. Никонова</i> Социальная активность современной молодежи	45
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Э. О. Кранк</i> Иванов и другие: апофатика героического в драматургии А. Чехова	50
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>А. Е. Лобков</i> Воспоминания саксонского врача Ф. С. Гойдтнера о русской медицинской службе в Крымскую войну	58
--	----

<i>Е. А. Ржевская</i> Объект «Заря» в Форосе. Последняя Госдача СССР (архитектурно-художественное решение)	65
--	----

Сведения об авторах	72
---------------------------	----

Authors.....	73
--------------	----

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 26 (2021)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Д. С. Орлова*

Подписано к печати 10.06.2021
Формат 189×283. Усл. печ. л. 8,84
Тираж 50 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908